

Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук

**ФОРМИРОВАНИЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Книга для молодежи

Москва
2015

Публикуется на средства гранта «Разработка комплекта научно-методических материалов по теме российской идентичности и апробация комплекта на мероприятиях для городской и сельской молодежи», предоставленного Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодежи» в рамках программы Президента Российской Федерации по обеспечению государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 года № 216-рп.

Мартынова М.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А. Формирование гражданской идентичности. Книга для молодежи (ред. Тишков В.А.). – М.: ИЭА РАН, 2015. – 133 с.

ISBN 978-5-4211-0143-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015
© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Российская нация – будущее или настоящее? ....</i>	4
<i>Глава 1. Нация как согражданство .....</i>	9
<i>Глава 2. Культурное многообразие и гражданское единство .....</i>	30
<i>Глава 3. Политика языкового разнообразия .....</i>	54
<i>Глава 4. Образование и воспитание в многоэтничной среде .....</i>	60
<i>Глава 5. Миграционная политика через призму гражданских чувств и патриотизма .....</i>	110
<i>Словарь терминов.....</i>	122
<i>Что еще следует прочесть .....</i>	131

Введение

Российская нация – будущее или настоящее?

В современной России вокруг так называемого национального вопроса идут идеологические дебаты и сталкиваются разные политические стратегии. Сегодня в стране существуют две конфликтующие между собой позиции. Одну можно назвать «русским проектом», за которым стоят консервативно настроенная часть политического класса, интеллигенции и довольно широкие слои населения, включая часть молодежи. Этот проект основан как на мифе об историческом величии и особом предназначении русского народа, так и на концепте «трагедии великого народа», который подвергся расчленению и унижению при распаде СССР. Сюда добавляются тезисы о вымирании русских, отсутствии для русских должного статуса в государственном устройстве и должного представительства в управлении страной и ее ресурсами. Сторонники русского проекта выступают за фиксацию в Конституции страны статуса русских, которые составляют 80% населения, как государство образующей нации, за объявление России национальным государством русского народа.

В разных вариантах проект русского этнонационализма проявляется в форме либерально-консервативного национал-строительства на «монокультурной» (т.е. русской) основе или в форме возрождения империи с «русской властью» и с воссоединением ныне разделенного русского народа. Ирредентизм (воссоединение) свойственен не только имперскому, но и либерально-консервативному варианту русского проекта. Один из современных российских политологов, например, продвигает лозунг «Стран много – народ один» в противовес

лозунгу федеральной социальной рекламы «Народов много – страна одна».

Но есть и российский проект. Он основан на признании исторически возникшей этнической, языковой, культурной, конфессиональной сложности населения России, на признании российского народа как полиэтничной гражданской нации. Этот проект отражен в Конституции Российской Федерации, преамбула которой гласит, что государство создается многонациональным народом. Он признает и поддерживает развитие российских этнонаций, но ставит главной целью утверждение общероссийской идентичности, обеспечение единства гражданской российской нации. У этого проекта есть несколько разные толкования: один из вариантов предлагает считать Российскую Федерацию государством-нацией¹, другой – разрабатывает цивилизационный подход, согласно которому Россия – это не национальное государство, а особое государство-цивилизация².

Напомним, что самодержавие в Российской империи не было сторонником политической нации по причинам своего представления о природе высшей власти, которая дарована государю-императору самим Богом. Хотя российские государи иногда пользовались понятием нация применительно к населению своего государства. В советское время понятие нация было сведено к обозначению крупных национальностей (этнических общностей), которые объявлялись «социалистическими нациями» со «своей национальной государственности» в форме этнотерриториальных автономий (союзных и автономных республик и автономных областей).

На общегосударственном уровне аналогом категории политической (гражданской) нации было понятие «многонациональный советский народ». СССР входил в состав Органи-

---

¹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013.

² Никонов В.А. Российская матрица. М., 2014.

зации объединенных наций, имел свои национальные символы (гимн, герб, флаг), национальные экономику, образование, культуру, армию, дипломатию и национальные интересы в мире, но сама государственность и народ не осмысливались в национальных терминах. Даже общесоветское самосознание (идентичность) и советский патриотизм считались чем-то из разряда исторических уникальностей.

Сейчас в нашей стране утверждается концепция многоэтнической гражданской нации россиян. Действующая с 2012 г. Стратегия государственной национальной политики ставит во главу угла формирование российской идентичности и укрепление единства российской нации наряду с поддержкой этнокультурного развития народов Российской Федерации. Среди факторов формирования гражданской идентичности назовем следующие:

– общее историческое прошлое (общая судьба), укорененное в коллективной исторической памяти россиян, воспроизводящееся в научных трактовках прошлого, мифах, легендах и символах;

– самоназвание гражданской общности «мы – россияне»;

– общий русский язык, являющийся языком государства, образования и основным средством общения граждан страны;

– общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на опыте совместной жизни;

– переживание российским народом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными ситуациями в стране.

Гражданская идентичность выступает основой группового самосознания, интегрирует население страны и является залогом стабильности государства. Формирование гражданской идентичности осуществляется различными институтами социализации (школы, общественные организации, образовательные учреждения, культура и спорт, средства массовой информации и т.д.). Конечно, основы нравственности лично-

сти закладываются в семье. Поскольку семья вместе со школой являются первичной средой, приобщающей молодого человека к опыту того или иного общества, именно в ней формируются представления о Родине, о родной культуре, а также о формах поведения, необходимых для успешного существования человека в обществе.

Обеспечение целостности российского общества является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Законопослушность, правопорядок, доверие, развитие экономики и социальной сферы, качество труда и общественных отношений – все это зависит от принятия гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей и следования им в личной и общественной жизни.

Содержание подходов к формированию национальной идентичности и воспитанию личности молодого гражданина определяется в соответствии с *базовыми национальными ценностями*, которые общество разделяет и которые передаются от поколения к поколению.

Важная ступень развития гражданина России – это осознанное принятие личностью традиций, ценностей, особых форм культурно-исторической, социальной и духовной жизни его родного села, города, района, области, края, республики. Через семью, родственников, друзей, природную среду и социальное окружение наполняются конкретным содержанием такие понятия, как «малая Родина», «Отечество», «родная земля», «родной язык», «моя семья и род», «мой дом».

Более высокой ступенью формирования идентичности гражданина России является принятие культуры и духовных традиций многонационального народа Российской Федерации. *Российскую идентичность и культуру можно сравнить со стволом могучего дерева, корни которого образуют культуру многонационального народа России.*

В разные годы мы проводили немалое количество исследований во многих российских регионах – получали резуль-

таты, которые свидетельствовали о развитии гражданского самосознания. Однако какие бы точные цифры не были получены, они никогда не будут «конечным», поскольку чувство гражданской идентичности формируется постоянно – от одного поколения к другому, от одной социальной группы – к другой. И всегда есть колебания и различия между регионами, городами, большими и малыми поселениями.

Наши разработки выявили очевидный факт: чувство гражданской принадлежности в современном российском обществе является доминирующим, а ступень российской гражданской идентичности – это высокая ступень духовно-нравственного развития личности, ее гражданского, патриотического воспитания. *Россиянином становится человек, осваивающий культурные богатства своей страны и многонационального народа Российской Федерации, осознающий их значимость, особенности, единство и солидарность с судьбой России.*

Глава 1

Нация как согражданство

Ключевой вопрос современной национальной политики (этнополитики) – это наличие адекватного управления, которое в странах Запада так и называют «good governance». Что это означает? Это означает, что без профессионального знания, а также без определенных морально-ценностных установок руководить сферой такой политики и обеспечивать стабильные межнациональные отношения не получится. Никакой особой «чувствительности темы» по сравнению, скажем, с политикой в области здоровья или финансов, нет, но, как и в каждой сфере управления, есть специфика. Необходимо хотя бы знать состав населения страны, историю и культуру ее народов, а также мировой и отечественный опыт управления культурно-сложными обществами, каким является российское государство.

Поскольку в России не утихают дебаты о современной идентичности россиян, актуален вопрос о ее месте в ряду других идентичностей, особенно этнической и локальной. Здесь важно знать не только отечественную историю, но и опыт совмещения национально-гражданской и культурной (этнической) идентичностей в политике других стран. Во многих странах становление общенациональной культуры и идентичности происходит с учетом сосуществования и контактов различных субкультур.

Интересен подход Швейцарии к культурной и языковой вариативности населения. Швейцария — федерация, имеющая четыре государственных языка: французский, немецкий, итальянский, ретороманский. При этом Швейцария – один из ранних примеров формирования гражданской нации в Евро-

пе. Швейцарская нация является воплощением политической концепции нации. Фундаментом ее единства является государство, с присущими ему атрибутами – политическими институтами, институтом гражданства, приверженностью одним политическим ценностям. После образования государства швейцарцы обрели новую политическую идентичность, сохранив при этом культурно-языковое и региональное многообразие. Швейцарская национальная идентичность существует как один из «ярусов» множественной идентичности швейцарцев, как «общий знаменатель» для кантональной и культурно-языковой идентичности, для регионального, культурно-языкового и конфессионального многообразия населения страны¹.

В США, Канаде и Австралии нация также понимается как согражданство. При этом мультикультурная образовательная политика является официальным государственным курсом этих стран. Мультикультурный подход к разным сферам жизни сменил монокультурный (известная теория «плавильного котла» в США, согласно которой контакт культур должен был привести к возникновению гомогенной, общей национальной культуры, к ассимиляции народов). В каждой из трех стран развитие мультикультурного образования имеет свои особенности. В США оно инициировано снизу в результате социального движения групп населения за гражданские права, направленного в т.ч. и против расовой дискриминации. В Канаде становление канадской нации произошло при поиске компромисса между франко- и англоязычными титульными на основе формулы «двуязычие на мультикультурной основе». В Австралии переход к мультикультурной нации был продиктован стремлением предотвратить конфликт между англо-австралийцами и остальными субкультурами (аборигены, новые иммигранты из Азии).

---

¹ Нагапетова Р.Р. Швейцарская нация: концепция «особого случая» и политическая практика (рукопись).

Отметим законодательную базу и важнейшие этапы становления мультикультурного образования в каждой из трех стран². В США принятый в 1964 г. Акт о гражданских правах впервые потребовал от федеральных агентств разработать требования к осуществлению мультикультурной образовательной практики. Тем самым этот закон создал прецедент использования федеральных средств для осуществления недискриминационной практики образования. В дальнейшем по заказу Правительства США был проведён ряд исследований и опубликованы научные доклады, в которых давался анализ условий обучения в школах, а также представлены рекомендации для улучшения этих условий. Как отмечают аналитики, сегрегация, которую сегодня запрещает закон, на практике до сих пор не изжита полностью. Об этом говорит тот факт, что 43% латиноамериканцев и 38% чернокожих ходят в школы, в которых менее 10% их сверстников являются белыми³.

В Канаде мультикультурализм впервые был объявлен официальной политикой в 1971 г. Тогда в результате работы Королевской Комиссии по билингвизму было предложено создать новую модель общества, признающего ценность культурного плюрализма. Был создан государственный орган, осуществляющий политику мультикультурализма. В 1980-1990 гг. мультикультурная политика получила законодательную основу, был принят ряд законодательных актов, благодаря которым мультикультурное образование в Канаде получило развитие. Важно, что в Канаде политика мультикультурности рассматривается в контексте интеграционной идеологии формирования гражданина Канады. Кроме того, в разных провинциях имеются существенные отличия в реализации политики мультикультурализма.

---

² Использованы результаты исследования Балицкой И.В.

³ Сегрегация в XXI веке: американцы до сих пор разделены по расовому признаку // <http://politobzor.net/show-4278-segregaciya-v-xxi-veke-amerikancy-do-sih-por-razdeleny-po-rasovomu-priznaku.html>

В Австралии мультикультурная политика сформировалась как попытка решить проблему многообразия общества демократическим путём и базировалась на согласованном определении нации, как согражданства. В 1978 г. страна объявила мультикультурализм официальной политикой. Первоначально государственная политика в этой сфере была направлена на решение вопросов образовательного равенства в обществе. В период 1980-90 гг. в Австралии был принят ряд программ. Базовым документом, определяющим государственную мультикультурную политику, являлся документ «Мультикультурная Австралия: единение в многообразии». С 2000 г. в Австралии существует государственный орган для реализации мультикультурной политики – Совет мультикультурной Австралии.

Политика мультикультурализма в разных ее вариантах в 1970-х и в 1980 е годы утвердилась во многих странах западной демократии. Она дала положительные результаты, но принесла и серьезные риски, связанные с усилением межгрупповых границ, а также с ущемлением интересов большинства населения. Поэтому все чаще стали раздаваться голоса о «крахе мультикультурализма» в Европе. В конце 1990-х – начале 2000-х на передний план вышла политика интеграции. Эксперты высказывали мнение о противоречивом характере мультикультурализма и о необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности⁴. В мире растет понимание, что прежний идеал нации как культурно однородного общества нереализуем.

Подлинной новацией современной национальной (этнической) политики должна быть политика интеграции, а не

---

⁴ Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002; Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Пер. с англ. М., 2003; Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 589.

тривиальное возрождение фестивальной формулы «дружбы народов» или более позднего концепта «прав меньшинств». Нужна формула «дружного народа-нации», народа – богатого в своем этническом, религиозном и языковом разнообразии, но единого в своей приверженности стране, ее общезначимым нормам и ценностям.

Политика интеграции – это не односторонний процесс изменения групп меньшинства под нормы доминирующего большинства, а процесс взаимных шагов, социально-культурный синтез на основе гражданственности и патриотизма. Это не означает ликвидацию культурной специфики и различий. Для большой страны с федеративным устройством и с почти двумя сотнями этнических культур, достижение всеобщего согласия и полной гармонии – это утопия. Однако *необходимо наличие желания и умения добиваться согласия по коренным вопросам жизни страны, признавать и исполнять ее законы, уважать культурные различия граждан.*

В разнообразном культурном единстве нужно научиться видеть особую ценность, историческую данность и важнейший ресурс нашего развития. Таковой, кстати, всегда и была Россия с момента возникновения 1150 лет назад ее государственности на основе совместного действия представителей славянских и финно-угорских племен. Например, мордва вошла в Россию тысячу лет назад, создавая нашу страну и ее историю, хотя сама Мордовия как территориальная автономия возникла одной из последних в советские времена. При всех наших проблемах и кризисе восприятия собственной страны, сегодняшняя Российская Федерация – это состоявшаяся «нация наций», признанная мировым сообществом.

Назовем принципы обновленной национальной (этнической) политики. В 1990-е гг. целью политики было названо обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной национальности, языковой общности и религиозной традиции. В 2000-е гг. президент Путин сформулировали актуальные цели:

а) формирование общероссийской гражданской идентичности,

б) поддержка этнокультурного развития народов России,

в) обеспечение межнационального согласия.

Что сегодня можно добавить к этим положениям?

Первое, это право на свободное выражение и признание со стороны государства личностной и коллективной культурной идентичности (самосознания), признание того, что такая идентичность может иметь сложный и изменчивый характер. Права меньшинств и права большинства могут действовать только в общем пространстве, а не в изолированном для каждой общины виде. Изоляция тех или иных национальностей или малых этнических сообществ не только на отдельной территории, но и в культурном смысле может иметь для государства разрушительное воздействие.

В последние два десятилетия в российских республиках было много сделано для сохранения и развития культур и языков соответствующих национальностей, и это большое достижение. Но выявились и негативные стороны: нетитульное население, включая русских, переживало дискомфорт, дискриминацию и предпочитало выезжать в «русские регионы». Моноэтничность и изолированность части республик негативно повлияли на правопорядок и на их развитие. Когда из таких республик стала выезжать и часть т.н. титульного населения уже без должного знания страны и опыта общения с русскими и другими национальностями, это вызвало новый тип напряженности в форме негативного отношения к выходцам из республик, которые переселялись за пределами своих малых родин.

Обновленная политика интеграции современных сложных обществ не может снять с повестки фактор большинства. Особенно, если это большинство пережило геополитические катаклизмы в форме распада страны, приняло в свою среду потоки иммигрантов, может уступать представителям меньшинств в ключевых сферах реформируемого общества и от-

ставать от активистов меньшинств в международном лоббировании своих интересов и обеспечении протекции. «Малое – всегда прекрасно» (Small is beautiful) – был лозунг XX века. Очевидно, что XXI век будет «веком большинства», но не в ущерб меньшинствам. Самое трудное – найти путь как именно добиться этого нового поворота – без ксенофобии и насилия.

* * *

После распада СССР образовались 15 многоэтничных государственных сообществ, но все они (кроме России!) объявили себя национальными государствами, сохранив советское понятие нации как этнической общности. Так называемые титульные нации стали хозяевами новых государств, а остальные – в положении «проживающих на территории не своей национальной государственности» с обычными гражданскими правами или вообще без права на гражданство. Пережив ряд жестоких конфликтов, вплоть до нового полураспада (пример Грузии и Украины), постсоветские государства продолжают рискованную линию национального строительства на моноэтнической основе.

Вариантов у этой формулы не очень много: выдавливание или ассимиляция нетитульного населения, или конфликт между двумя группами населения – титульной этнонацией и меньшинствами. Причем последние в ряде стран составляют добрую половину или треть населения и по всем критериям меньшинствами не являются. Набив шишек, и, возможно, потеряв часть территорий, все постсоветские государства рано или поздно перейдут на гражданские, мультиэтнические формулы нациестроительства, т. е. понимание нации как единого, но сложного сообщества.

В Российской Федерации в настоящее время нет регионов открытого сепаратизма, но есть радикальные националистические группы и движения как от имени этнического большинства, так и от имени некоторых этнических мень-

шинств. Есть негативная динамика роста ультранационалистических и шовинистических настроений, но в последние годы эта ситуация более эффективно контролируется и нейтрализуется правоохранительными органами и институтами гражданского общества.

В России в начале 2000-х, когда завершились военные действия в Чечне и улучшилась по сравнению с предыдущим десятилетием ситуация в Дагестане, а также по всему Северному Кавказу, общий уровень межэтнической конфликтности по стране ежегодно шел на снижение. В то же время в разных регионах, включая Москву, происходили инциденты (включая теракты), которые усугубляли обстановку. Но в целом учеными и экспертами отмечается тенденция оздоровления общественных отношений, включая рост гражданской солидарности и российского самосознания среди всех этнических общностей.

Какие выводы мы сделали из изучения международного и отечественного опыта регулирования межэтнических отношений и сопутствующих этой сфере общественной жизни гуманитарных проблем? Усложняющийся состав населения современных наций и этноконфессиональные конфликты требуют выработки адекватных форм управления сложными обществами в условиях представительной демократии. Государства, которые не смогли дать ответы на эти вызовы, оказались в состоянии кризиса и даже распада. Наиболее результативные доктрины и методы состоят в следующем: а) государственное строительство и формирование нации основывается на постулате многоэтничного гражданского сообщества; б) принимаются и реализуются принципы федерализма и официального дву(много)язычия; в) справедливое распределение и представительство во власти; г) предотвращение социального и регионального неравенства по этническим границам и территориальным сообществам. При этом инициаторами выхода из общего пространства могут быть как отстающие, так и богатые регионы.

В России на основе Конституции и Стратегии государственной национальной политики реализуется политика утверждения российской идентичности и обеспечения единства российской гражданской нации. 20-летний мониторинг показал, что межэтническую напряженность, проявления розни и насилия порождают не столько глубина этнических и языковых различий, сколько идеологическая обработка и политическая мобилизация населения с помощью этнических аргументов. Общероссийская идентичность, чувства связи с Россией и любовь к Родине – все это подвижные формы самосознания и они требуют постоянного мониторинга в федеральном, региональном, этноконфессиональном и поколенческом разрезах.

В процессах постсоветского нациестроительства Россия занимает особое место. Следует признать, что в очень значимой перемене смыслов и самой идеи национальной государственности произошло отставание по сравнению со сферами экономики, политики и социальной жизни, где от старого советского наследия мало что сохранилось. Только в последнее десятилетие высшим руководством страны было сформулировано новое понимание российского народа как гражданской нации, а значит и России – как национального государства. В этом случае сразу же встали на место и обрели свои точные смыслы такие категории и понятия, как национальные интересы, национальные проекты, национальные системы здравоохранения, образования, спортивные команды и т. п. Выступая 12 июня 2007 г. в Кремле по случаю Дня России, В.В. Путин сказал следующие замечательные и точные слова: «история и Всевышний распорядились так, что на нашей огромной территории проживают представители многих этносов, религий и культур, но мы все – один народ, одна нация». Политический класс в целом воспринял позитивно эту важнейшую государственно-идеологическую новацию, понимая, что без нее невозможна легитимность современных государств, каким бы разнообразным не было их население и какой бы децентрализован-

ной не была их власть. Но возник ряд трудно преодолимых проблем с восприятием и реализацией этих программных установок. Все они скорее из разряда перестройки ментальных конструкций, из разряда обновления политического языка и научного арсенала, а не жесткого переделывания российской реальности. Следует объяснить эти трудности, на преодоление которых и было направлено наше исследование.

Первое: как быть с категорией «нация», если, как выражаются некоторые политики, «президент поставил задачу сформировать российскую нацию»? Что теперь будет с «настоящими нациями» – русской, чеченской, татарской, чувашской и другими, которых у нас в стране около сотни?

Новая формула означает использование понятия «нация» в двух смыслах – нация как гражданское сообщество и нация как этническая общность. Никакой политико-правовой увязки, а тем более – ненаучности здесь нет. В мире давно сосуществуют эти два понимания нации: одно берет корни в якобинском понимании нации как согражданства, другое берет начало в австро-марксизме как культурная нация или этнонация. Оба понимания сосуществуют в рамках современных государств, и их употребление не носит взаимно исключающего характера. Каталонская и баскская нации есть части испанской нации, которая состоит не только из одних кастильцев. Шотландская нация есть часть британской нации, саамская нация есть часть норвежской нации, а аборигенные народы Канады, а также «квебекская нация» есть части канадской нации.

Представлять гражданские нации только как сообщество носителей одинаковых паспортов, а этнические нации как подлинных производителей культуры и всего остального, включая саму государственность, это значит радикально снижать смысл и роль основной формы человеческих коллективов, которая известна нам с момента всеобщего «огосударствления» человечества, по крайней мере, с эпохи возникновения современных государств.

Как и в иных развитых странах, не должно быть противоречий и в России, где все крупные и малые народы привыкли считать себя нациями и обладают внутренней автономией и высоким статусом своих культур и языков. По Конституции они составляют «многонациональный народ», но сам этот российский народ есть гражданская нация со своим национальным государством – Российской Федерацией.

Россия есть нация наций, и никакой новой нации на месте многих старых наций формировать не нужно и должно. Тот из среды интеллектуалов, кто видит в российской нации какой-то имперско-шовинистический умысел, сам является злоумышленником или же недалеким человеком, не способным понять простые вещи, легко наблюдаемые по всему миру, но почему-то «не применимые» к условиям России из-за корыстной или узколобой инерции.

Второй вопрос возможного оппонента: «Если ничего не нужно формировать заново, тогда в чем же смысл проекта российской нации и когда такая нация должна состояться?»

Российский народ и россияне – это исторически очень давние самообозначения жителей (граждан – после появления понятия гражданства) нашей страны. Историко-культурная общность и солидарность этого народа также давно и хорошо известны. А вот определение россиян как нации действительно представляет собой новацию, ибо до 1917 г. это понятие только начинало утверждаться в виде категории «большой русской нации», которая включала в себя, как минимум, всех православных и всех восточных славян, а в ряде случаев – всех жителей страны.

В дореволюционной России после сложения централизованного государства существовало основное понятие *русский (российский) народ*. В отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия *инородцы*, *иноверцы*, *племена*, *народности* и другие категории. Важно отметить, что русский народ представлял широкую (фактически внеэтниче-

скую) категорию. Знаменитая книга автора XIX века М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа⁸ включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже православным отнести было нельзя.

В СССР этнические общности называли по-разному: национальными меньшинствами, этнографическими группами, этническими группами, национальностями, нациями и народностями. С 1960-х гг. утвердилось понятие этнос – но только в научной литературе. Еще в 1950-е гг. простые люди и школьные учителя использовали в обиходе термин «нацмен» в отношении людей нерусской национальности. Где-то в 1970-е гг. этот термин полностью ушел из обихода по причине уничижительного смысла.

Сегодня исследования показывает, что все больше людей под словом «национальный» совсем не обязательно мыслят «этнический», понимая также под этим словом и «государственный». А словом «этнос» пользуются скорее для показа наукообразной эрудированности. Поскольку гражданская принадлежность становится доминирующей формой коллективной идентичности, то и понятие национального частично переходит на все, что связано с общегражданскими делами и проектами. «Национальные проекты» это проекты российской нации. Российская нация – это состоявшаяся политическая и социально-культурная реальность. Это явление исторически давнее и полностью легитимное, как бы эта общность не называлась в прошлом.

Тогда следующий вопрос от противников проекта или скептиков: «Как может быть единая нация, если нет единства и культурной гомогенности, а есть много народов-наций со своими собственными культурами и даже цивилизационными различиями, и среди них есть конфликты и отторжение друг друга?».

Одна нация совсем не означает «единая» (в смысле однородная) нация. Все большие нации состоят из многих разных языковых народов и даже племенных образований. Почти все крупные нации имеют внутренние конфликты, включая вооруженный сепаратизм и внутренние войны. Это совсем не означает, что не существует индийской, китайской, индонезийской, испанской или какой-то другой нации, которые более гетерогенны в культурно-языковом отношении и разобщены в социально-политическом плане, чем нация российская.

При всех различиях, которые есть у представителей разных российских национальностей, их объединяют не только одинаковые паспорта, но и общая история, культура, духовно-нравственные ценности, поведенческие нормы, а также гражданская солидарность на основе российского патриотизма. Российский народ есть сформировавшаяся «старая историческая общность людей». В основе его культурного комплекса лежат русская культура и язык, православно-христианская религиозная традиция, обогащенные культурными и религиозными компонентами других российских народов. Какое еще «единство» требуется в доказательство реальности российской нации? Чтобы не 97% россиян, а все без исключения знали государственный русский язык? Но стопроцентности нет даже в малых странах. Наличие различий, противоречий и даже конфликтов не есть отсутствие единства. Прежде, чем криминальные группы спортивных фанатов могут устроить между собой побоище или избить «чужих», десятки тысяч спортивных болельщиков на стадионах и миллионы у экранов телевизоров демонстрируют солидарный российский патриотизм, потрясающее чувство общности, которые не могут зачеркнуть какие-либо девиантные поведенческие проявления.

Российская идентичность требует постоянного пестования со стороны общества и государственной поддержки. Каждое новое поколение формирует свое представление о своем государстве и обладает своей собственной лояльностью по отношению к России. Все это опирается на прошлый

опыт и накопленный багаж предшествующих поколений и нынешнего старшего поколения. Но, тем не менее, автоматически ничего не передается, и преемственность российской идентичности есть результат целенаправленных усилий — начиная с семьи и школы и кончая политическими митингами и праздничными шествиями.

Еще один вопрос от противников идеи российской нации: «Как может быть гражданская нация, если в России нет граждан и нет гражданского общества, а нынешний авторитарный режим превратил граждан в безгласных подданных?».

Категория нации не политическая субстанция с обязательным набором характеристик («признаков нации», как учили советские прописи). Это, прежде всего, форма общественного дискурса. Если существует общеразделяемое представление о нации (внедренное в том числе и через обучение и интеллектуально-политическую индоктринацию), значит существует и нация. Здесь нет прямой связи с культурной гомогенностью и, тем более, степенью демократизации или развития гражданского общества. Режим «черных» полковников в Греции или военная хунта в Аргентине были куда жестче, чем политический режим в брежневском СССР, но никто не будет спорить, что в те годы не существовали греческая и аргентинская нации.

Наша задача утверждать общероссийскую идентичность среди граждан страны. В этом суть формирования российской нации.

Наконец, последний вопрос: «Как соединить многообразие страны и этнокультурное развитие отдельных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства?»

Признанное многообразие и есть единство, которое не должно пониматься как единообразие. Признавая, поддерживая и укрепляя региональные и этнокультурные идентичности как составляющие российскую идентичность, как общее достояние, а не как эксклюзивную собственность отдельных

групп населения, мы тем самым укрепляем групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия – это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа. Россия есть общая и главная Родина россиян. Для многих в стране эта Родина включает в себя и малую Родину, где прошло детство или где исторически проживают представители собственной национальности. Воспитание таких представлений требует обновления образовательных и информационных политик, но больше всего – той сферы, которая носит старое советское название – «национальная политика».

Интеграция национального сообщества является важнейшей задачей внутренней политики любого государства мира, которая реализуется, в том числе, через формирование представления о «национальном МЫ», через проведение политики идентичности. Каждое государство, в том числе российское, стремится культивировать у своих граждан представление о том, что они все принадлежат к одному политическому сообществу и составляют единую *нацию*.

Признание российского народа гражданской нацией при всем ее этническом и религиозном многообразии, традиция восприятия страны как национального государства и ее народа как полиэтничной гражданской нации была сформулирована Президентом В.В. Путиным. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах 5 февраля 2004 г. он сказал: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и всего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство».

В российском научном и общественно-политическом языке все больше распространяется общепринятая в мире *категория нации как сообщества по государству* наряду с господствовавшим пониманием этой категории только как типа этнической общности. Понятие гражданская идентичность равнозначно понятию «государственная (национальная) идентичность» или «национальное самосознание». В данном подходе категории национальная и гражданская общность совпадают.

Внимание к проблеме формирования гражданской идентичности в настоящее время связано с несколькими причинами. Это глобализация и расширение межличностных и межгрупповых контактов, неопределенность и изменчивость социальной ситуации развития молодежи, изменение содержания и характера межпоколенной трансмиссии. Особенно актуальной проблема гражданской идентичности является для поколения, вступающего в жизнь, для которого процесс становления идентичности (как гражданской, социальной, так и личностной) совпадает с процессом социализации в целом. Если для старшего поколения стремление к замене утраченных социальных идеалов новыми связано со стремлением к восстановлению нарушенной картины мира, то для подростков – со стремлением к созданию картины своего мира, одновременно похожего и не похожего на мир взрослых, который подростки одновременно считают и своим, и чужим. В связи с этим возникает потребность в регулировании процесса присвоения молодыми людьми своего индивидуального и культурно-исторического прошлого и способности конструировать свое будущее.

Ключевая роль в консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны отводится образованию молодежи. В 2000-е годы в

российском образовании наметилась тенденция связывать воспитательную деятельность с формированием у учащихся российской идентичности, т.е. осознанием себя как носителя российской культуры и гражданина России. Она стала ответом на те проблемы, с которыми столкнулось образование в связи с внедрением программ патриотического воспитания, вызванных к жизни процессами разрушения идентификационных структур сознания.

При подготовке образовательных стандартов второго поколения идея формирования российской идентичности была положена в основу воспитательной концепции. Предложено различать три составляющих российской идентичности – гражданскую, этническую и общечеловеческую. Российское самосознание связано в этом подходе с формированием гражданской идентичности, которая устанавливает связь учащегося с Россией (в то время как другие составляющие устанавливают связь с «малой родиной» и всем человечеством соответственно). Сформированность этой идентичности должна проверяться наличием у молодого человека знаний о золотом фонде русской культуры и истории, о современной социополитической ситуации в стране, а также чувства гордости за Россию.

Актуальность процесса формирования идентичности наиболее высока в подростковом и юношеском возрасте, так как совпадает с процессом их осознания себя и своего места в мире. Последние исследования российских социологов показывают, что российское самосознание у современной молодежи является доминирующим. Примерно 80-95% опрашиваемой молодежи заявляют, что считают себя россиянами и ощущают свою связь с Россией, до 70% ответили, что ощущают сильную связь с гражданами России. Это очень высокий показатель, если учесть, что в 1992 г. по опросам Института этнологии и антропологии РАН в Москве лишь четверть населения идентифицировала себя как россияне.

Замеры социологов и этнологов показывают, что в сознании наших граждан уживаются несколько идентичностей (истолкований себя). Государственная, гражданская и этническая идентичности совмещаются у большинства граждан. Опрос 2011 г. показал, почти полное совпадение принятия государственно-гражданской и этнической идентичностей (95% и 90%). Хотя в реальности эти идентичности по-разному интерпретируются и понимаются респондентами, очевидно, что формирование представлений о национально-гражданской идентичности для жителей России стало значимым социальным фактором. Вместе с тем, в целом по стране этническая идентичность не утратила своей значимости и в ряде республик несколько доминирует над национально-гражданской.

Исследования ИЭА РАН 2014 г., касающиеся восприятия Родины и идентичности, проведенные в трех федеральных округах – Южном, Северокавказском, Приволжском и в г. Москве (было опрошено 6000 студентов) показали, что для современной российской молодежи характерно чувство сопричастности с Россией. Большинство опрошенных молодых жителей многонациональных регионов видят своей родиной всю страну Россию – 66%. Среди молодых представителей регионов сильна региональная идентичность – 43% опрошенных связывают образ Родины со своим регионом, а также и местная идентичность – 38% считают своей Родиной место проживания.

Региональный патриотизм особенно развит в регионах Северного Кавказа. Здесь студенческая молодежь в представлениях о Родине как бы балансирует между общероссийским самосознанием и региональным патриотизмом. Более половины опрошенных молодых жителей Северо-Кавказского федерального округа (56%) ассоциируют Родину со своим регионом и половина (51%) ассоциируют Родину со страной в целом. Для сравнения: в Южном федеральном округе значимость региона ниже (43%), а страны – выше (67%), а в

Москве соотношение в пользу страны выражено еще сильнее (17% – за регион, 69% – за страну).

Молодежь многонациональных регионов едина в своем восприятии Родины через общегражданский нарратив (89% опрошенных), т.е. для большинства молодежи Родина ассоциируется с атрибутами и символами Российского государства – российским гербом, гимном и флагом.

Региональная символика заметно проигрывает общегосударственной – молодежь полиэтнических регионов с символами региона (региональной символикой, гербом и гимном) Родину ассоциирует лишь в 7% случаев. *Студенчество СКФО чаще других определяет Родину, прежде всего, через символы российской государственности.* Здесь, видимо, сказывается активная образовательная политика, многочисленные меры по социализации кавказской молодежи в общероссийском контексте. Но для северокавказского студенчества ассоциирование Родины и России часто лишено эмоциональной и ценностной нагрузки, страна – это просто географическое место на карте. Среди московского студенчества в качестве символа Родины менее востребованы общегосударственные атрибуты – 61% указали на государственные атрибуты, ассоциируемые с Родиной, в то время как в ПФО, СКФО и ЮФО – 90% и более. Почти половина студентов определяют себя через идентичность «мы – граждане России» (49% опрошенных). Гражданская идентичность проигрывает только «ближнему кругу» – членам семьи («мы – это моя семья», 78%; «мы – это мои друзья», 68%).

Религиозная и этническая идентичность в молодежной среде не является доминирующей в сравнении с семейной и гражданской.

Студенчество СКФО по значимости гражданской идентичности приближается к средним показателям опроса. Вместе с тем, *среди северокавказской молодежи популярность гражданской идентичности («мы – граждане России», 39%) практически равна этническому и конфессиональному само-*

определению. Более чем в других регионах, среди молодежи Северного Кавказа популярна идея солидарности с людьми тех же традиций и обычаев (22% против 13% в Москве), и одновременно меньше всего солидарность с носителями русской культуры (4% против 19% в соседнем ЮФО).

Иная ситуация в Приволжском федеральном округе, где характерно этническое и конфессиональное многообразие населения. У студентов ПФО гражданская идентичность (54%) заметно преобладает над этнической (28%) и конфессиональной (18%). Среди московских студентов более других распространены не гражданские, а «частные» формы самоидентификации – сопричастность семье (84%), друзьям (73%), товарищам по работе и учебе (52%), людям той же профессии (27%). Для московского студенчества менее характерна идентичность «мы – граждане России» (35%).

Среди российской молодежи невысока популярность этнической идентичности как личного символа и повседневной необходимости. Особенно в этом смысле отличаются москвичи, четверть которых (24%) во время опроса заявила, что о своей этнической принадлежности задумаются редко. *Более других на своей этнической принадлежности настаивает молодежь СКФО* – половина опрошенных (55%).

Большинство респондентов определили себя русскими. Для многих опрошенных категория русский несет, прежде всего, только культурный контекст. Большинство участников опроса полагают русскими тех, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры (38%). Определения русскости через «кровные» атрибуты, по происхождению – менее популярны (23%).

Среди российского студенчества одновременно распространены идеи социального мира и антимиграционизм. Равным является количество тех, кто говорит: «представители отдельных национальностей более склонны к совершению преступлений» (36%), и тех, кто говорит, что такие идеи распространяют провокаторы межнациональных конфликтов.

Молодежь скептически в отношении к мигрантам – 36% полагают, что «никакие трудовые мигранты не нужны России» и 20% считают, что стране нужны лишь временные мигранты. Лишь 13% поддерживают идею интеграции трудовых мигрантов.

В среде студенческой молодежи распространены идеи неприязни – 43% респондентов заявили, что мигранты «не уважают традиции, язык местных жителей, и это порождает конфликты», еще 33% полагают, что мигранты «отнимают рабочие места у местного населения», 41% обвиняют мигрантов в отсутствии компетенции и навыков, 12% – в том, что они «захватывают целые сектора экономики». Сторонников положительного отношения к мигрантам – меньше скептиков. Чаще других о том, что мигранты не уважают традиции принимающего сообщества, говорят студенты Москвы (62% против 17% в СКФО). А сторонников идеи «мигранты отнимают рабочие места» больше в ПФО (36%).

В одном государстве должно быть не параллельное существование региональных и этнических сообществ, а взаимодействие по всему спектру социальных отношений: от спортивных команд до совместной службы в армии и организованных трудовых наборов на крупные проекты промышленности. Не менее важна совместная организация политической жизни. Политические партии и впрямь должны иметь внеэтнический характер членства и деятельности.

Важно понимать, что наличие этнической культуры и самосознания не могут мешать привязанности к Большой родине – России и осознанию себя россиянином. И русское большинство, и представители нерусских народов реально имеют общее российское самосознание. Все новейшие и авторитетные научные исследования и социологические опросы подтверждают этот вывод. Противники интеграции на основе российскости предлагают либо «всем стать русскими», либо разделить по этнически «квартирам». Но это такая же нереализуема утопия, как и «чисто русская» Россия.

Глава 2

Культурное многообразие и гражданское единство

Как и во всех государствах мира, в России проживают граждане разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Потому Россия – это национальное государство россиян, в состав которых входят представители всех этнических групп, больших и малых, кто проживает на ее территории и обладает гражданством. Всего в России по переписи 2010 г. были зафиксированы представители 193 национальностей, некоторые из которых – это просто проживающие в России иностранные граждане или россияне одной национальности, которые никак друг с другом не связаны. Таких условных групп – от американцев до японцев – в России около трех десятков, но остальные народы проживают на территории России изначально (например, славянские, финно-угорские и северокавказские группы) или очень давно (например, армяне, ассирийцы, греки, евреи, поляки и другие).

В современной ситуации этничность помимо культурной функции стала играть важнейшую роль как средство терапии от пережитых травм, как механизм политической мобилизации граждан, как орудие борьбы за власть и за доступ к ресурсам. На основе этнического фактора образуются политические коалиции разного уровня, продолжает строиться часть права и государственных институтов, осуществляется социально-экономическая политика, происходят межгражданские распри и организованное насилие вплоть до этнических чисток, а также развиваются на массовом уровне нетерпимость и негативные стереотипы.

Этнонационализм есть политическая реальность, которую невозможно игнорировать и трудно демонтировать, ее

нужно научиться понимать негативные стороны и использовать в позитивном направлении. Но самая главная проблема – это найти приемлемую формулу нового государства и научиться управлять многоэтническим обществом, каковым была и останется Российская Федерация, как и все другие государства постсоветского пространства.

Помимо экономической базы основу любого государства составляют территория, гражданство, общие символы и ценности, а также конституционно-правовой строй. Некоторые из этих аспектов российского нациестроительства должны быть предметом постоянного внимания. Нужны регулярные и четкие заявления российского руководства в пользу конституционного положения о целостности и неотчуждаемости территории государства. Отсутствие заявлений и реверансы в пользу сепаратистских проектов в России 1990-е гг. вселяли ложные ожидания на их признание международным сообществом.

Требуется широкое распространение в российском обществе государственной символики, прежде всего герба и гимна. Наряду с официальной символикой и историческими ценностями не менее важны символы и ценности государства, связанные с сегодняшним днем и перспективами, в том числе символы законности, гражданской ответственности, жизненного успеха, стиля и образа жизни и т.п. Создание общеразделяемых символов и ценностей – результат совместных усилий властей, общественных организаций, простых граждан, и эти усилия должны уважаться и поощряться.

Общенациональной идеей и основанной на ней политической стратегией должна быть формула “единства в многообразии” как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма. Строительство общероссийской гражданской нации и культивирование чувства принадлежности к общности россиян не исключают, а включают в себя уважение и поддержку прав российских национальностей на индивидуальном и коллективном уровнях. Это прежде всего – справедливое политическое предста-

вительство и свободное развитие этнических культур, языков, образа жизни, право на контроль за средой обитания, на выбор систем хозяйствования и общественного самоуправления.

Государственность России и составляющих ее субъектов строится прежде всего на общегражданской основе, но учитывает этническую мозаику страны и отличительный культурный облик населения ее отдельных территорий. Это находит отражение в культурных институтах, хозяйственной и социальной политике, но не дает повода для претензий со стороны представителей какой-либо одной этнической группы на исключительный контроль институтов власти и территории. Самоопределение России осуществлено от имени ее многоэтнического народа.

Конституция РФ зафиксировала, возможно, не самое оптимальное федеративное устройство, отразив прошлые политические реальности и волю нынешних местных бюрократий, но она вполне позволяет провести подлинную федерализацию, суть которой состоит в рассредоточении полномочий власти и в устранении источников напряженности, концентрирующихся вокруг какого-либо одного центра. *В многоэтнической России федерализм необходим не для того, чтобы наделить этнические группы «своей» государственностью, а чтобы сделать институты власти и службы государства более близкими и более чувствительными к запросам и интересам различных по культуре групп, живущих в одном государстве.*

Какие настоятельные меры по утверждению федерализма необходимы на данном этапе?

Важным элементом для социальной мобильности, жизненного успеха и удовлетворенности граждан нерусских национальностей в России является гарантированная возможность овладения русским языком, которая стала сужаться в последние годы под националистическим влиянием. Двуязычие и многокультурность стали в современной России приоритетными личностными характеристиками большего

числа россиян и основой политики в области образования, культуры и информации.

Менее половины представителей нерусских народов проживает в пределах этнотерриториальных образований и более половины населения республик и округов составляет т.н. нетитульное население. Многоэтничный характер имеет и население многих российских краев и областей, в том числе почти всех крупных городов. Государственная политика должна проводиться по всей территории страны, и ее субъектом должны быть все национальности независимо от характера расселения и имеющегося политического статуса. В этой ситуации наиболее глубокой и действенной формой реализации политики в отношении российских национальностей как на федеральном, так и на региональном уровне является экстерриториальная культурная автономия. Практически все многоэтничные государства мира используют этот институт или как основной (в случае отсутствия территориальных автономий), или как дополняющий систему федеративного устройства и механизмы распределения власти в рамках демократии согласия. Для преодоления неприятия национально-культурной автономии (НКА) необходим ряд мер и программ по ее реализации.

Соответственно, необходима реализация по всей территории России программ по сохранению и развитию народных традиций и культуры, созданию этнокультурных центров, отделений и групп в системе просвещения и образования, по организации печати, радио и телевидения на родных языках. Проведение политики НКА должно опираться не столько на верхушечные постановления и центральную бюрократию, сколько на низовую инициативу, самоорганизацию и заинтересованность простых людей.

Межэтническая напряженность и конфликты существуют во многих странах. Не стала исключением и Российская Федерация. Трудноразрешимые противоречия и конфликты не являются неизбежными и не предопределены самой приро-

дой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в рамках одного государства. В России сохраняется достаточно высокий уровень межэтнической терпимости и сотрудничества, что находит отражение в широком распространении смешанных браков, интенсивных культурных взаимодействиях, отсутствии территориальной сегрегации, социально-профессиональной мобильности и конкурентоспособности представителей различных национальностей.

Этнические чувства используются политиками и активистами общественных движений в различных целях, а этническая мобилизация рядовых членов групп достигается там и тогда, когда для этого существуют определенные условия. Среди последних – это прежде всего существующая или вновь возникающая социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к власти, правовая и культурная дискриминация, пропаганда ксенофобии и негативных стереотипов. В ходе экономических реформ 1990-х гг. агрессивность предпринимательства при слабом государственном контроле и недостаточной гражданской культуре вела к чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и наносила ущерб среде обитания отдельных этнических групп, особенно сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Предметом разграбления или неравного товарообмена становились культурные ценности, продукты художественных промыслов и ремесел и ценные ресурсы ряда народов. Поэтому в прошлые десятилетия, а также и сегодня для предотвращения межэтнических противоречий в России необходимы как долгосрочные стратегии, так и некоторые срочные меры.

Государство в лице властей разного уровня должно оказать срочное содействие в организации контроля и охраны уязвимых этнических культур и общин, особенно из числа малочисленных национальностей, особенно – в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Необходимо распространение достоверных и полных знаний о традициях и обычаях граждан, принадлежащих к разным культурам,

развитие интереса, особенно среди молодого поколения, к “чужим” культурам. Создание энциклопедии народов России, популярных изданий, справочников и разговорников, словарей, развитие этнологических исследований. Следует регулярно проводить общенациональные кампании по утверждению толерантности, культивированию этнического многообразия россиян как главного достоинства и богатства российской нации.

Население Российской Федерации, как и других крупных стран мира, имеет сложный этнический состав, который существует с момента возникновения русского государства и который стал еще более сложным за последние 20 лет, несмотря на утрату значительной территории и почти половину населения бывшего СССР. Эта сложность была зафиксирована в результатах всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, когда в стране был зафиксирован существенный рост числа этнических групп (народов, национальностей): в 2002 г. 158 (по сравнению с 128 в 1989 г.) и 193 в 2010 году. Последняя перепись населения 2010 г. интересна не только общим числом проживающих в России народов, но и внутренней динамикой самых крупных национальностей, на которые приходится более 96% всего населения. И конечно, наиболее актуальный вопрос – это численность этнических русских как доминирующего не только демографически, но и в историко-культурном отношении народа. При фиксации численности крупных народов в ходе проведения переписи населения произошла ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до ее проведения. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса, подготовить и провести перепись в год, который заканчивается нулем (такова рекомендация ООН), подправленный закон позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта поправка снизила стремление организаторов переписи «дойти до каж-

дого», произвести предварительные и контрольные обходы населения, что делалось в предыдущие переписи.

В итоге получилось, что примерно 5,6 млн. человек (по сравнению с 1,5 млн. в 2002 г.) переписали по данным паспортных столов и другим источникам без обхода населения. Но административные данные ныне не содержат сведений о национальной принадлежности и о родном языке (как и некоторые другие важные для переписи данные, как, например, источники дохода). Разница между двумя переписями о числе лиц без указания национальности составила почти 4 млн., а это почти 3% от всего переписанного населения. Из этих 4 млн. примерно 80% составляют русские, т.е. число неподсчитанных русских составляет не менее 3 млн. человек. В этом случае общая численность русских будет не 111 млн., а 114 млн., т.е. убыль по сравнению с прошлой переписью составит менее 2 млн. человек за 8-летний межпереписной период. А присоединение Крыма компенсировало эту убыль.

Точно так же небольшие, но существенные для динамики численности прибавки могут быть сделаны к другим крупным народам, где данная погрешность при проведении переписи выражается в значимых цифрах. Но только нужно учесть, что готовность и мобилизация на участие в переписи и на запись своей национальности среди нерусских народов (пожалуй, кроме украинцев и евреев) заметно выше, и предложенная нами операция «прибавки» является в этом случае излишней. Ее справедливо сделать, кроме русских, также для других урбанизированных групп, проживающих вне республик (украинцев, евреев, татар, немцев, корейцев).

Итак, перепись 2010 г. показала, что первая «двадцатка» самых многочисленных российских национальностей почти не изменилась. По-прежнему 80% населения составляют русские, и нет особых оснований утверждать, что в России идет некий процесс замещения русских представителями других национальностей. Это распространенное среди русских националистов утверждение опирается или на бытовую мифоло-

гию, или на оценки демографической ситуации первой половины 1990-х годов, когда имело место сильное сокращение населения по разным причинам (снижение рождаемости в период «шоковой терапии», двойная смертность алкоголиков после отмены антиалкогольной кампании и госмонополии на производство и продажу алкоголя, эмиграция русских за рубеж, снижение масштабов русификации из-за роста этнического самосознания среди нерусского населения).

В 2000-е годы часть этих факторов снизила свое воздействие, но сохранились проблемы алкоголизации, мужской сверхсмертности, низкой рождаемости, а также добавился фактор сниженной иммиграции русских в Россию (государственная программа содействия переселению соотечественников пока не обеспечила тот приток русских, который был в 1990-е годы). Таким образом, мы оцениваем демографическую ситуацию среди русских как кризисную (но не катастрофическую!) с умеренно оптимистичной перспективой. Снижение сверхсмертности от алкоголизации, табакокурения, ДТП и из-за пренебрежения здоровьем вполне возможно при относительно небольших затратах и в достаточно короткие сроки. Пополнение русского населения за счет других источников также возможно, а именно, за счет увеличения рождаемости, поощрения переселения в Россию желающих переехать и не поощрения эмиграции. Важный источник – это добровольная ассимиляция через выбор русской национальности потомками смешанных браков. Последнее, конечно, неизбежно идет в ущерб численности других этнических общностей, но речь идет о добровольном выборе, который делается чаще в пользу доминирующих языка культуры.

В следующей за русскими первой десятке первые пять народов сохранили свой порядок, несмотря на то, что российские украинцы сократились почти на один миллион человек без какого-либо заметного переселения в Украину. А следующая пятерка изменилась: аварцы (самая крупная группа в Дагестане) поменялись местами с мордвой в свою пользу,

казахи поднялись с последней позиции, потеснив белорусов, белорусы выбыли из десятки, уступив место азербайджанцам. Общая тенденция среди основной части нерусского населения такова: возрастает численность и доля тех, кто относится к, условно говоря, тюркско-исламской культурной традиции, и сокращается численность и доля тех, кто принадлежит к славянско-финноугорской, христианской культурной традиции. Все остальные этнические группы в составе российского народа составляют 3,5% и на демографическую ситуацию в целом фактически не влияют.

Каждый из основных регионов России имеет свою специфику с точки зрения этнического состава населения. Есть так называемые русские регионы, где этнические русские составляют подавляющее большинство населения (90-95% населения в некоторых областях центральной России и Урала). Есть регионы, где исторически проживают совместно представители крупных российских народов (например, русские, татары, башкиры, чувашаи, мордва в Поволжье). Есть регионы с чрезвычайно разнообразным этническим составом как, например, Северный Кавказ, где проживает более 40 автохтонных народов разной численности: от миллиона человек (аварцы и чеченцы) до нескольких сот человек (малые горские народы Дагестана).

Можно сказать, что в России нет моноэтнических регионов, но зато есть регионы преимущественного проживания представителей той или иной национальности. Это касается населения почти всех российских республик, т.е. большинство российских якутов, чувашей, татар, башкир, удмуртов, калмыков, бурят, осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев и т.д. проживают в соответствующих республиках. Но это не означает, что т.н. титульные (эпонимные) группы составляют большинство населения в «своих» республиках. Таких республик с титульным большинством только десять: Чувашия, Тыва, Татарстан, Калмыкия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия.

В остальных большинство населения составляют русские вместе с представителями других национальностей.

Общей демографической тенденцией для этнотерриториальных автономий России является преимущественный рост титульного населения или, как минимум, возрастание его доли. Наиболее тревожной тенденцией с точки зрения общероссийских интересов и интересов модернизационного развития республик является сокращение общей численности и доли русского населения в республиках. Это вызвано как более низкой рождаемостью, так и отъездом русского населения из республик по причинам нестабильности, недостаточной безопасности, местного национализма и косвенной дискриминации. Особенно сильным отъезд русских был из республик Северного Кавказа, которые все более становятся моноэтничными.

Другая общая тенденция этнической демографии – это рост почти во всех регионах страны иммигрантов из зарубежных стран, особенно из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама. За 20 лет Россия приняла не менее 10 миллионов мигрантов на постоянной основе, и в стране ежегодно находится 5-10 миллионов мигрантов из числа т.н. гастарбайтеров, т.е. временных трудовых мигрантов. Точной миграционной статистики в стране не существует. Это обстоятельство, а также бытовые фобии и политические расчеты порождают мифы о миграции, о засилии мигрантов в крупных российских городах, о повышенном уровне преступности среди мигрантов, о занятии ими рынка труда в ущерб местному населению.

Нет сомнений, что массовая иммиграция в Россию носит фактически неконтролируемый характер и сопровождается коррупцией бюрократии и сверхнаживой работодателей. Это включает в себе определенные риски, в том числе и риски изменения исторически сложившихся пропорций населения и уклада его жизни. Многие мигранты оседают в России, приносят свои семьи и становятся российскими гражданами. Без-

условно, от части мигрантов исходит конкуренция на рынке труда и в сфере предпринимательства. Но эти риски часто преувеличены, намеренно артикулируются политиками особенно в период избирательных компаний, поддерживаются теми, кто использует труд мигрантов, подвергая их сверхэксплуатации или прямому обману.

* * *

За последние годы заметно изменились коллективные идентичности россиян. В 1990-е гг. население плохо воспринимало новую Россию как свою Родину и центр как воплощение высшей власти. Эта «негативная идентичность» была зафиксирована многими социологическими исследованиями того времени¹. В 2000-е гг. произошел заметный поворот от советской к общероссийской идентичности и конкурирующими уже стали регионально-этническая и общероссийская формы коллективного самосознания. Этот переход зависел от многих факторов, среди которых были отступление советского из коллективной памяти уже нового поколения граждан, ослабление радикальных форм этнического национализма, целенаправленные усилия части экспертного сообщества и высших властей по утверждению представления о гражданской российской нации². Ниже мы приведем результаты наших исследований российского самосознания, которые подтверждают вывод о существенном сдвиге в пользу «российскости» по сравнению с другими коллективными идентичностями среди россиян. Однако эти результаты не являются слишком оптимистичными.

В 2010 г. в ходе общероссийского опроса нами был задан вопрос «Что для вас понятие «Родина»? Ответ на этот вопрос

---

¹ См., напр.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

² См. обзор советской этнополитики в книге: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российской государственности. Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012. С. 380-444.

во многом отражает, насколько близким может быть для респондента чувство принадлежности к российской нации. Результаты оказались далеко не однозначными. На этот пункт анкеты можно было дать несколько вариантов ответов. Наиболее часто встречались ответы «Родина – это страна Россия» (49%) и «Родина – это место моего рождения» (46%). В них проявилась полярность мнений и дополняющие друг друга суждения. Оба ответа одновременно дали только около 18% респондентов. Те, кто считают родиной конкретную местность, а не страну, составляют почти треть опрошенных.

Особенно важно иметь адекватное представление о закономерностях формирования гражданской идентичности в столице России. С точки зрения вопроса о чувстве российскости и гражданской принадлежности, Москва представляет собой своего рода загадку. Казалось бы, парадоксальной или в корне неверной должна звучать мысль о том, что москвичи, по своим убеждениям – менее россияне, чем другие граждане страны. Казалось бы, столица, как плавильный котел, естественным образом работает на идею российской нации, исправно поставляя важный социальный продукт. Но на самом деле мегаполис вместил огромное количество разнонаправленных тенденций.

Мы имеем надежные данные о мнении столичных жителей по поводу приверженности ценностям – общероссийским, этническим, религиозным и иным, а также и о том, как такие ценности сочетаются. Насколько этническая принадлежность человека значима в повседневной столичной жизни – вопрос не праздный. При доминировании русского населения Москва никогда не была моноэтническим городом. Особенно факт этнокультурной сложности выражен в так называемых точках и узлах социальной активности – на транспорте, в сфере торговли, в высшем образовании, медицине, во многих секторах бытового сервиса. Разноязыкость и разноликость города нельзя не заметить на центральных улицах и в наиболее оживленных районах мегаполиса, и общественное

восприятие оказывается чувствительным к таким понятиям, как «национальность» и «приезжий».

С другой стороны, столица обладает огромным ассимиляционным потенциалом. Тому причиной – сам многомиллионный город с его обилием контактов, лавиной информационных потоков, кипучей деятельностью, абсолютным доминированием русской–российской культуры во всех сферах общественных отношений. Москва – источник деэтнизации, мощный фактор снижения этнических чувств и этнокультурной лояльности. Не случайно, значительное количество людей в Москве учтены в переписи без указания национальности. Хотя часть из них попросту не встретилась с переписчиками, немало было и таких, кто не захотел или посчитал, что не может ответить на вопрос «ваша национальная принадлежность».

Если посмотреть на список регионов, откуда люди приезжают на постоянное жительство в Москву, то в нем числятся и Чувашия, и Коми, и та же Мордовия. Причем миграция из этих республик в сторону столичного региона за последние десятилетия была не менее интенсивной, чем из многих других регионов. Но перепись 2002 г. «выявила» сокращение проживающей в Москве мордвы почти на четверть. Точно также снижение в столице численности чувашей вряд ли имеет под собой какие-то иные причины, нежели параллельная идентичность. Аналогичным образом следует относиться к «сокращению» численности москвичей-белорусов. Что касается этнокультурной ситуации, то она выглядит гораздо сложнее, нежели можно представить на основании переписи или социологического опроса.

Может ли человек иметь две или более национальности? – такой вопрос был задан респондентам во всех российских регионах во время нашего исследования. «Да» – сказали 23% москвичей, это самая большая доля по общероссийскому массиву. Но при этом люди редко называли себя россиянами. Если же вести беседу целенаправленно, скажем, задавая во-

прос так: «не отрицая своей национальной принадлежности, могли бы вы также сказать о себе: моя национальность – россиянин?», то в этом случае получаем почти 60% однозначно положительных ответов.

При всей демографической старости и убыли за счет превышения смертности над рождаемостью, население Москвы за время между двумя переписями выросло, и рост этот совершился за счет миграции. Именно для русских, как подавляющей части жителей столицы, характерен и демографический кризис, и активное участие в пополнении численности москвичей. Перепись показала, что численность русских прибавилась в Москве на 845 тыс. – это за межпереписной интервал составляет более 10% прироста (в целом же по России, как известно, произошло сокращение). Какая-то часть этого прироста, возможно тысяч 30-50, т.е. порядка пяти процентов и есть те самые украинцы, белорусы, мордва, чуваша, немцы, коми, которые склонны считать себя одновременно и русскими. Процесс этот многовариантный, и было бы упрощением называть его ассимиляцией. По мере ослабления культурных и иных барьеров в этот процесс уже вовлекаются выходцы с Кавказа, в особенности младшее поколение.

Говоря о воздействии разных факторов на массовое сознание, не будем забывать, что Москва – не только ассимилятор. Это еще и очаг усиления этнических чувств. Привлекая к себе приезжих, мегаполис постоянно втягивает в свою орбиту различные культуры. Люди, стремящиеся в Москву, как правило, энергичны, активны и настойчивы. Приток земляков из иных регионов и стран способствует накоплению потенциала их культуры, а в иных случаях делает таковую культуру эффективным инструментом социального продвижения, что особенно важно в динамичных условиях огромного города. Численность украинцев повсеместно в России сократилась, а в Москве – возросла. Во многих регионах уменьшилось количество немцев, но не в столице. Причина – не только в механическом притоке, но и в особенностях самосознания сто-

личных горожан. Тот, кто считает себя одновременно и украинцем, и русским, или немцем и русским, на вопросы переписи или опроса, требующие однозначного ответа, часто выбирает менее тривиальный ответ, чтобы подчеркнуть свою особость, а не схожесть с основной массой жителей города!

На вопрос, как они понимают слово «национальность», многие жители столицы заявили, что с их точки зрения, национальность – есть происхождение по родителям и предкам (58%). Так как по условию анкеты дать ответ можно было несколькими способами, многие указали и другие «важные атрибуты» национальности – язык и культуру (40%), место рождения (27%). Об этом заявили многие русские, все попавшие в московскую выборку башкиры, азербайджанцы, даргинцы, осетины, чуваша, татары и др. О гражданстве упомянула меньшая часть опрошенных (20%). Таким образом, наиболее распространены воззрения, что национальность – это [обязательное] свойство человека, передаваемое от родителей или через культуру.

Барьером на пути гражданской консолидации могут выступать массовые предубеждения против приезжих, в особенности, если статус приезжего как-то связан с его культурно отличительными особенностями. Отметим, что ни один пункт анкеты не требовал указывать какие-либо национальности или этнические группы. Например, вопрос формулировался так: «В вашем регионе живут люди, происходящие из разных регионов России и других государств. Можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?» И все же, большинство опрошенных заявило, что приезжие отличаются по этническим признакам, а не, скажем, по каким-то социальным или возрастным характеристикам.

Причем, если в условиях Москвы следовало бы ожидать, что в первую очередь респонденты вспомнят о кавказцах, молдаванах, украинцах, численность которых среди приезжих по статистике наибольшая (и о них же за последнее десятилетие много пишут московские газеты), то субъективные

оценки людей, ответивших на вопрос анкеты, оказались несколько иными. Про молдаван и украинцев вспомнили лишь 1,4% опрошенных. Зато вспомнили о таких группах, которые резко отличаются от остальных москвичей, и это – не кавказцы, а собирательно именуемые «таджики» и «китайцы». Именно на эту категорию, широко «разрекламированную» СМИ, соответственно указали 23,5% и 19,4% респондентов. Кроме того, 7% назвали среди новых групп «вьетнамцев», 14% вспомнили об «узбеках», и 10% – о «выходцах из Средней Азии» (о киргизах сказали всего 6,6%, очевидно путая их с таджиками или узбеками).

Во время массового опроса всегда трудно фиксировать, а затем и обрабатывать так называемые открытые ответы респондентов, т.е. произвольные, не предусмотренные на бланке анкеты. В нашем случае применялся такой открытый вопрос: «Могли бы вы назвать группы людей, которые вызывают у вас отрицательные чувства?» Получены многие десятки всевозможных ответов. Опрошенные вспоминали о своем неприятии к алкоголикам, наркоманам, преступникам, религиозным фанатикам, террористам. Но на первых местах по неприятию у москвичей значились «кавказцы», «скинхеды», «чиновники» и «националисты». Вряд ли при таких воззрениях возможен легкий путь к идее гражданского единения.

Посмотрим, кого, по мнению респондентов, можно причислить к разряду москвичей. В анкете указывалось, что оценивать следует таких жителей столицы, которые обосновались в ней более 10 лет назад. По результатам опроса получилось, что к разряду «местных» после многолетнего проживания могут быть отнесены в основном выходцы из центральных российских регионов. Об этом заявили 83% опрошенных. Если человек переехал в Москву из сибирских областей, то «правом» стать москвичом его наделяют 79% респондентов. У приезжих с Дальнего Востока «шансы» снижены до 75%. Что же касается выходцев из российских республик Северного Кавказа, то предел доверия к ним состав-

ляет всего 34%. По этому показателю общественное мнение не отличает их от приезжих из закавказских государств – 33%. Ну а для тех, кто прибыл из азиатских государств (бывших советских республик), «признание» в качестве «полноправного москвича» оказывается наиболее проблематичным – 30%.

В Москве сравнительно небольшая доля тех, кто считает, что национальность к браку не имеет отношения – всего 25%. Еще 10% заявили, что «тема» их не касается. Таким образом, только треть респондентов проявили по данному вопросу индифферентную позицию. Для основной же массы опрошенных москвичей тема этнических предпочтений в браке предстает как важный предмет обсуждения. Почти половина опрошенных высказались за такие браки, причем 23,4% полагают, что межэтнические браки допустимы, а 21,2% высказались однозначно «за». Что касается противников межэтнических браков, то они составляют не более пятой части опрошенных: 8,4% – это те, кто резко против, 3,1% считают, что такие браки нежелательны, 8,8% полагают, что при выборе брачного партнера нужно знать, о каких именно национальностях идет речь.

Респонденты с высшим образованием (а среди них, как правило, доля женщин несколько выше), более пристрастные к «этническому» окружению, более «тонко» подмечают культурные различия людей (всего 11,4% сказали о том, что не знают, какой национальности их близкие и друзья). На втором месте по умению находить этнические отличия те, кто окончил среднюю школу и другого образования не получил (указанный показатель составил 19,3%). Заметим, что в данном случае речь идет в основном о выпускниках 1990-х годов. Примечателен тот факт, что по данным опроса, гораздо проще смотрят на жизнь, т.е. без «этнического» фильтра те, кто имеет среднее специальное образование (их ответы «не знаю, какой национальности» составили 25%). Видимо, огрехи в преподавании предметов гуманитарного цикла, обычные в технических и иных училищах, сыграли в данном случае позитивную роль.

Таким образом, москвичи «знают» о национальности – своей, близкого окружения, и «умеют» подмечать культурно-групповые отличия прочих людей, с кем сталкиваются в повседневной жизни. Культурно-разделительные стереотипы в московской среде широко распространены. При такой норме общественного восприятия, о «плавильном котле» и самопроизвольности широкого распространения идей гражданского единства, говорить сложно. Но нельзя не замечать и большого количества позитивных к тому предпосылок, частью которых является огромный историко-культурный багаж россиян.

В остальной России выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48%) и похожая доля опрошенных в Якутске (43%). В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина – Россия: в Грозном – 14,3%, в Якутске – 17,1%. Более детальный анализ ответов респондентов – жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном местные русские и часть ингушей, тогда как среди чеченцев таковых только 11%. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется произошедшим в республике военным конфликтом. Примечательна ситуация в Якутске. В этом городе лишь 23% русских и 15% якутов назвали Россию своей родиной, тогда как для большинства сказало, что родина – это прежде всего место, где они родились. Здесь следует учесть, что для якутян, как и для магаданцев и дальневосточников, понятия «Россия», «материк» часто означают всего лишь центральные районы страны, которые расположены далеко и которые живут по-другому и в других условиях. Кстати, аналогичные видения «Америки» имеются среди аляскинцев, гавайцев и даже жителей Калифорнии.

Вторая группа регионов характерна тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей

родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Причем, если показатель ответов «Родина – Россия» в данной группе превышает 40%, то по Сургуту он отличается еще и своей заметно пониженной величиной (32%).

Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию – больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы.

Таким образом, в некоторых регионах у населения преобладают чувства регионализма над чувствами принадлежности к государству. Но таких регионов меньшинство. Вместе с тем распространена ситуация, когда наряду с доминированием идеи о принадлежности к России, большое количество людей в регионе с этой идеей не согласны (треть опрошенных). В этой ситуации необходима стратегия, которая исходит из того, что местная (региональная) идентичность не противоречит и не ослабляет российскую идентичность, что любовь к малой Родине не отрицает наличие любви в большой Родине. Наоборот, местный патриотизм и идентичность сопровождают и усиливают российскую идентичность.

Представление о Родине связано с тем, в какой мере россияне ощущают свою принадлежность к России. Это более прямой вопрос о приверженности респондентов к своему государству. На вопрос, в какой мере вы ощущаете принадлежность к России, 45% заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12% ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13% не дали определенного ответа, а у прочих (30%) оно возникает «только в некоторых ситуациях». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания.

Сравним региональные данные. Наибольшее количество респондентов, заявивших, что испытывают чувство принад-

лежности к России в сильной степени, зафиксировано в Пятигорске (53%) и Оренбурге (51%), там же отмечена наименьшая доля тех, кто не ощущает такой принадлежности. Существенно отличается ситуация в Якутске и Грозном. В этих городах менее четверти опрошенных заявили, что ощущают принадлежность к России в сильной степени, и чуть меньшая доля – что подобного чувства не испытывают.

Интерес представляют данные по Москве, в которой лишь немногим выше среднероссийского уровня оказалась доля респондентов, заявивших об устойчивом ощущении принадлежности к России. Ниже среднего выявилась доля тех, кто указал на ситуативное чувство принадлежности к стране, и выше среднего доля тех, кто не ощущает принадлежности к России. При этом среди опрошенных москвичей очень маленькая доля лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации. Полученное распределение ответов по Москве отчасти объясняется мотивами социального протеста. Среди москвичей, кто сказал, что не ощущает принадлежности к своему государству, много людей пожилого возраста.

Полученные результаты не отражают картину лояльности или нелояльности граждан к своему государству. Однако приведенные ответы дают представление о готовности населения вести общественную дискуссию по поводу принадлежности к российской нации. Если принять во внимание, что 75% опрошенных считают себя в той или иной степени причастными к России, то это означает, что они готовы участвовать в дискуссии. Миллионные аудитории российских спортивных болельщиков могут продемонстрировать свои ощущения принадлежности к России лучше и ярче, чем любые социологические опросы.

По данным многолетнего мониторинга, осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этномониторинга, в России с 2008 г. наблюдалось определенное повышение уровня конфликтности, хотя до этого в течение ряда лет ситуация была лучше. Этот уровень кон-

фликтности сохранялся и в 2013 году, а после присоединения Крыма к России конфликтность пошла на убыль. Напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением, и когда политики и общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и личного благополучия.

Все это заставило российские власти внести некоторые изменения в стратегию национальной политики. В первый день своего вступления в должность 7 мая 2012 г. Президент России Владимир Путин подписал указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», призванный гармонизировать межнациональные отношения, укрепить единство многонационального народа Российской Федерации и обеспечить условия для его полноправного развития. В рамках созданного Путиным Совета по межнациональным отношениям была разработана и принята президентским указом в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

В Стратегии заложена идея формирования единой политической нации и сохранения этнокультурного разнообразия российских национальностей. Это отражено в формулировке целей государственной национальной политики:

- а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);
- б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;
- в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;
- г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;
- д) социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно российская идентичность будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, якутскостью и т.д.

Данные самых последних исследований свидетельствуют, что идея общероссийской гражданской нации не навязывается сверху, а отражает достаточно массовые представления. Если еще в 2004 г. признание российской идентичности уступало этнической самоидентификации, и сильную связь с гражданами России ощущал лишь 31% респондентов, то после 2011 г. российская идентичность у большинства населения стала самой распространенной и ощущение связи со страной – более сильным³.

В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Сегодня большинство населения – это люди, которые считают себя гражданами России и не теряют свою этническую идентичность. Вместе с тем обсуждение в медийном пространстве показывает, что не всеми предложенная стратегия воспринимается спокойно. Нередко понятию «российская нация» придается искаженный смысл: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить существующие этнические общности (этнонации).

Этнокультурное пространство нашей страны отличается тем, что Россия также как и СССР, сложилась как государ-

---

³ См.: Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. М., 2013.

ство полиэтничное и многокультурное. Этническое «небольшинство» – это, прежде всего народы, живущие на «своей» территории, даже если они проживают на ней совместно с другими этническими общностями (народами). Несмотря на конституционно закрепленный принцип равенства всех народов, отдельные их представители в зависимости от территории проживания с точки зрения этнокультурной самореализации оказываются не в одинаковом положении. Будучи равноправными гражданами государства, они могут жить в инокультурном окружении, могут быть на положении «титульного» этноса в своей республике, но являться малочисленной группой в масштабах всей страны.

При этом в нашей стране практически нет регионов с моноэтническим составом населения. Причем, мультикультурны не только общества, но и его члены⁴. За долгие годы существования в едином государственном и этнокультурном пространстве у жителей страны выработалась общность многих черт характера и поведения. В поликультурной среде, какой является Россия, с раннего детства люди постепенно на практике открывают для себя сходства и различия с другими. Но восприятие и трактовка поликультурного общества как мозаики, составленной из механически расположенных рядом друг с другом групп и сообществ, различных языков, культур, этнических и религиозных принадлежностей, ошибочна. Подобная концепция страдает статичностью в понимании культуры: она не учитывает как взаимодействие индивидов, так и последствия их контактов. Живя вместе, представители разных народов все больше становятся похожими друг на друга. И порой продуктивнее не абсолютизировать культурные различия, а двигаться в направлении признания схожести многих черт повседневной жизни (или их отличий не на этнической основе).

---

⁴ См., напр. Тишков В.А. Теория и практика многокультурности. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. с. 335.

Верна мысль, что жители России имеют гораздо больше общих историко-культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе этнического и религиозного разнообразия. Стимулом позитивного взаимодействия людей является осознание, прежде всего, того, что их многое объединяет: работа, жилищные условия, территориальная общность (дом, квартал, город, регион), исторический момент (современность), официально принятый в стране язык или языки. И лишь на втором месте по значимости стоят качества, разделяющие индивидов (идеология, история и т.д.)⁵.

Не случайно, и граждане постсоветских государств выбирают сегодня местом своего жительства чаще всего Россию. Даже молодежь постсоветских государств стремится именно в Россию – страну с доминирующей русскоязычной культурой, где русским языком владеют практически все. Представители нерусских национальностей, как правило, двуязычны (либо владеют русским языком лучше, чем своим). Во многих регионах обучение детей разных национальностей ведется на русском языке (во всяком случае, по всей стране русский язык является обязательным школьным предметом). На русском языке может говорить значительная часть населения всех государств на постсоветском пространстве.

Общий вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но не снимает раздражения и в некоторых случаях враждебности к представителям других национальностей, которые часто есть следствие недовольства системой распределения ресурсов, реакцией на несправедливости, коррупцию, беззаконие. Нужны усилия общества и власти, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом. Политика сочетания этнокультурного плюрализма и гражданского единства, возможно, самый серьезный вызов для современной России, но за этой политикой – будущее.

---

⁵ Тишков В.А. Этничность и политика. – М., 2001.

Глава 3

Политика языкового разнообразия

Было бы ошибкой рассматривать в качестве позитивной государственную политику, которая приводит к этнической и языковой ассимиляции малочисленных групп. Такая политика запрещена Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми обязательствами России. Но вместе с этим необходимо признавать право на добровольную ассимиляцию, право выбора гражданином

культуры и языка, право на пребывание в нескольких культурах.

Современный человек может иметь не только один родной язык, он может быть дву- или трехязычным и считать себя одновременно принадлежащим к национальностям отца и матери, если вырос в смешанной семье. Точно также гражданин имеет право перейти с одного языка на другой, прежде всего на язык, который дает больше жизненных возможностей. Таковым в России является русский язык. По переписи населения 2010 года, 25% нерусских россиян назвали своим родным языком русский язык. Это, как правило, результат свободного выбора, и он должен быть признан, а не подвергаться критике, а то и становиться объектом чиновничьих усилий по «возврату населения к своему языку».

Языковая политика в многоэтничном государстве опирается на некоторые общие принципы:

а) язык большинства наделяется государственным (официальным) статусом и государство обеспечивает обучение и взаимодействие с населением на этом языке, а также содействует его освоению гражданами и, по возможности, – иностранными мигрантами;

б) языки меньшинств могут получать официальный статус в регионах преимущественного проживания их носителей без ущерба статусу и компетенции в знании государственного языка;

в) государство вместе с обществом поддерживает языки проживающих в стране национальностей, принимает меры по сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения. В России по этой части делается много, но государственных усилий затрачивается недостаточно.

Вокруг языковой политики могут возникать серьезные коллизии, что видно на примере Украины, Латвии и других стран мира. *Главная линия в этом вопросе – поддержка и развитие дву- и многоязычия, что предполагает наряду со знанием гражданами русского, знание других языков, распространенных среди населения российского государства.* Это касается людей, проживающих в этнически смешанных регионах, включая республики, а также государственных служащих, включая, прежде всего, судебные и правоохранительные органы. По этой части недоработки в стране большие: люди предпочитают учить английский ради редкого посещения заграницы, а не язык тех, с кем проживают рядом всю жизнь.

В настоящее время по переписи 2010 года в России владение русским языком указали 99,4% ее жителей, причем 6,6 млн нерусского населения назвали русский родным языком. *Русский язык является одним из самых мощных институтов политики интеграции.* Не каждая страна может похвалиться сохранением больших и малых языков, и при этом всеобщим знанием населением государственного языка. В направлении расширения языкового «репертуара» россиян и нужно двигаться. Но чтобы Москва воспринималась столицей своей страны буквально всеми – и жителями Нальчика, и Кызыла, и Якутска, Останкинская башня должна излучать не только «русскоязычные волны»: хотя бы по 30 минут нужно вещать на татарском, чувашском, чеченском, башкирском, тувинском и других языках, на которых говорят сотни тысяч граждан (таких языков около 30). Это и есть политика интеграции.

На современном этапе язык (языки) представляют собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере, автономную от ее носителей, культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом существовании людей. Проблема автономности культурных ценностей и опасности их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата малых языков, наносят урон наследию ныне живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. На эти вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и комплекс действий в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности», «языка нации». Между тем, нужно было бы говорить о различиях в уязвимости одних языков по сравнению с другими.

Жизнь языка во многом зависит от языковой политики государства. О ее стратегической важности свидетельствует тот факт, что языковая политика всегда была и остается полем политических дебатов. Для России вопрос знания языков исключительно важен и актуален. Масштаб языкового многообразия России беспрецедентен. Для сравнения – в Европе насчитывается около 50 языков меньшинств, в России, согласно Всероссийской переписи населения (2010 г.) – в три раза больше – 154. При этом русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории страны, владеет фактически все население (99,4%). Кроме того, 23% владеет еще 38 языками. Остальные 114 языков распространены лишь среди 1% населения¹. Т.о. наблюдается, с одной стороны – языковое

---

¹ Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010, № 218. С. 11.

единство в России и языковое доминирование русского языка, с другой – большое языковое и культурное разнообразие.

Среди языков есть такие, которыми владеют миллионы человек (пять языков, кроме русского), но есть и те, которыми владеют только тысячи, сотни или даже десятки человек. Наиболее распространены те языки, которыми пользуются самые многочисленные в стране национальности. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов РФ. Больше всего в России людей, говорящих на татарском (5,3 млн., 3,7% населения) и башкирском (1,4 млн., 1%) языках. Украинским языком владеет 1,3% жителей России. Далее следуют чеченский, чувашский, армянский, аварский, якутский языки².

Согласно Конституции страны «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования». При этом изучение государственного русского языка является обязательным и регламентируется государственными образовательными стандартами.

В тоже самое время достаточно высокой сохраняется в России и востребованность системы т.н. этнокультурного образования, в центре которого изучение или преподавание на нерусских языках. По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, количество языков, функционирующих в общеобразовательных учреждениях в качестве языков изучения и обучения, в 1989 г. составляло 55. Сегодня в системе государственного образования работает около 9 тыс. «национальных» школ, изучается уже 89 языков народов России. Из них на 39 языках ведется обучение. В старших классах школы языками обучения являются алтай-

---

² Там же, С. 22.

ский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и другие. Изучаются такие языки, как азербайджанский, армянский, грузинский, казахский и другие. В качестве учебного предмета в школах Российской Федерации изучается еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподается на всех ступенях общеобразовательных школ.

В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучаются башкирский, татарский, коми, чувашский, якутский языки. В моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува можно считать, что изучение родного языка осуществляется в статусе государственного. При этом экзамен по русскому языку как общегосударственному языку остается обязательным для всех.

Необходимо отметить тенденцию, пусть незначительного, но все же увеличения в местах компактного проживания этнических меньшинств национальных государственных школ, где родной язык является языком обучения или предметом изучения. Так, на территории России действуют: 47 армянских школ, 85 – казахских, 66 – азербайджанских, 19 – туркменских, и другие. Например, в Республике Татарстан функционируют 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работают 140 чувашских, чувашско-русских, чувашско-татарских школ, где изучают родной язык более 83 тыс. чувашских детей.

Однако если исходить из востребованности, то языки народов нашей страны находятся не в одинаковом положении. В наиболее выгодном положении – русский, татарский, башкирский, якутский языки. На них ведется весь цикл образования. Но, например, несмотря на то, что в России около 4 млн. украинцев, попытки ввести преподавание на украинском языке успеха не имели. Российские украинские школы, благодаря энтузиастам, работают в основном в Башкирии, там же работают три белорусские школы. В России больше всего школ с родным языком в Татарстане, Башкортостане, Якутии,

Тыве. Кстати, в Тыве в 80% школ обучение ведется на тувинском языке, а в Татарстане – в 53%. Число школ, где идет преподавание на родном языке, постоянно растет, и в основном за счет роста таких школ в городах. В начале 90-х годов их было в среднем по России около 13%, сейчас – 45%³.

За последние годы в некоторых регионах сеть общеобразовательных учреждений с обучением на родном языке значительно расширилась. Так, в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40%, Республики Башкортостан – 45%, Республики Татарстан – 60%, а Республики Тыва – 80%. Соответственно увеличивается и количество детей изучающих язык своей национальности. В Республике Татарстан, например, доля детей, обучающихся на родном языке, увеличилась с 12% в 1991 г. до 50% в 2006 г., в Республике Башкортостан – до 40%.

В Дагестане зафиксировано 32 языка. Как там преподаются родные языки? Специфика в том, что представители разных этнических групп проживают компактно, за исключением крупных городов. Преподавание в школах ведется на 14 языках, в начальных классах – на родном, в средних и старших обучение идет на русском. В Дагестане ряд языков не имеют письменности, например, андийский. Дети, которые говорят на этом языке, идут в школу, где обучение ведется на аварском письменном языке. Учитель обычно знает оба языка и использует сравнительно-сопоставительный анализ⁴.

Обеспечение условий преподавания родных языков в России в значительной степени соответствует международным стандартам, однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными и системными.

---

³ Артеменко О.И. Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // Евразийский Юридический журнал 2011, № 8 (39).

⁴ Артеменко О.И. Интервью «Российской газете» // Finugor 06/07/2011 (<http://finugor.ru/node/20542>).

Глава 4

Образование и воспитание в многоэтничной среде

Действующий в России приоритетный национальный проект «Образование», как известно, ориентирован на модернизацию данной сферы. Модернизация понимается, с одной стороны, как массовый переход образовательных учреждений на уровень, отвечающий высоким современным стандартам. Радикальному улучшению подлежат условия и возможности, предоставляемые школам, классам, учителям – поэтому речь также идет о повышении возможностей индивидуального творческого поиска. Новая парадигма развития образования стимулирует конкурентные отношения – школы и отдельные учителя не просто могут, но и должны соревноваться за качество предоставления образовательных услуг. В оценке работы школ и учителей теперь участвуют и общественные структуры.

Все эти нововведения начались в 2007 г. с принятием поправки в федеральный закон «Об образовании», и сегодня важно знать, каковы общественные настроения и каковы возможные последствия, к которым могут привести новые федеральные инициативы. Эти инициативы пока что воспринимаются в регионах как унификация образования, при которой культурная самобытность может не найти себе места.

Упразднение национально-регионального компонента в школьном образовании, которое, согласно федеральному закону, вступило в действие, первоначально вызвало общественное и даже политическое напряжение. Особенно это проявилось в республиках Российской Федерации, в которых находится наибольшее количество школ с нерусским языком обучения. В газетах замелькали публикации о «развале наци-

ональной школы». По этой причине Сеть этномониторинга задалась целью проверить, какова ситуация с «национальным образованием», т.е. с преподаванием родных языков и школьных предметов этнокультурного содержания в разных регионах России. Выясняется, что прямой угрозы такому образованию нет. Мы анализировали точку зрения региональных чиновников, мнения учителей в городских и сельских школах, провели опросы родителей, дети которых учат или хотели бы учить родные языки¹.

Однако угроза исчезновения этнокультурных форм образования, школьного обучения этническим языкам существует, и она вполне реальная. Проистекает она не из-за «упразднения» национально-регионального компонента, о чем более всего спорили в республиках, а под влиянием комплекса причин, которые можно назвать современными потребностями в стандартном и конкурентоспособном образовании. Трудность в том, что нет общего рецепта – как в школьной среде найти защиту для этнических культур, поскольку слишком велики различия не только от региона к региону, но даже, порой, и в двух соседних школах. В одних случаях родители хотят обучать своих детей этнической культуре, а завтра такая потребность может исчезнуть. И наоборот – не хотят такого обучения, а потом осознают, что обучение необходимо. Но школа не может так быстро перестраиваться, и все утраты она также восстанавливает с большим трудом.

Федеральный закон упразднил понятие «национально-региональный компонент образования», но соответствующие школьные предметы и их этнокультурное содержание сохранились. Например, в Якутии, как и прежде, ведется преподавание якутского, эвенского, юкагирского языков, в Татарстане – татарского. Но учителя опасаются, что местные чиновники будут понимать законодательное нововведение

---

¹ Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы (ред. Степанов В.В.). Вып.1 – М.: ИЭА РАН, 2010.

именно как запрет преподавания. В некоторых регионах проявляется недовольство среди родителей школьников, которые говорят, что их дети должны изучать родные языки в рамках государственных учебных программ, а не в платных кружках или воскресных школах. Тревоги особенно были сильны два-три года назад. В основном они не оправдались.

Сеть этномониторинга изучала ситуацию с этнокультурным образованием более чем в десятке регионах России – беседовали, анкетировали. Задавали вопросы о необходимости школьных предметов этнического и регионального содержания, спрашивали, что об этом думают старшеклассники и их родители. И еще выявляли мнение учителей о такой новации, как преподавание основ религиозной культуры. Выяснилось, что система образования – не только механизм предоставления образовательных услуг, но и – общественные ожидания. В тех случаях, когда ожидания связаны с тревожностью, такую региональную ситуацию невозможно оценить как успешную даже, если ученики получают высокие экзаменационные баллы. Общественное напряжение по поводу возможной утраты родного языка в школах имеет место, например, на северо-западе, а также в Поволжье.²

На нынешнем этапе школа от своего прежнего состояния отличается по правовым возможностям. До введения новых норм в закон об образовании каждая отдельно взятая школа почти не могла самостоятельно определять состав образовательной программы, точнее – могла лишь в ограниченных пределах нескольких процентов времени, отведенного на обучение. Почти всё планировалось извне: примерно пятая часть школьных часов находилась в ведении республиканских или областных структур управления образования – национально-региональный компонент. Наибольшее количество часов обучения отводилось обязательному преподава-

---

² Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы (ред. В.А. Тишков). – М., 2011.

нию федерального компонента. Согласно нынешнему подходу, содержание образования целиком обязано соответствовать федеральному государственному стандарту. Это, однако, не означает, что школы теряют те небольшие возможности выбора, которые прежде имели. На самом деле школа получила более широкие полномочия. Законодательство предоставило возможность именно школам выбирать (в рамках стандарта) конкретную образовательную программу и модули. И разнообразие таких программ велико – оно больше, чем предусматривала система «регионального компонента».

Но свобода выбора варианта школьной программы это и источник проблем, т.к. школы и педагоги не очень готовы к самостоятельному выбору. Кто-то продолжает жить по старинке, а кто-то уже активно использует полученные возможности. Примеры противоположных «стратегий» можно найти даже в Москве, что привело к заметному «родительскому» напряжению по устройству в школы своих детей в 2010 и 2011 гг.

В нынешних правовых условиях любые школы поставлены перед необходимостью ориентироваться в образовательных и социальных запросах общества. Инициативные школьные администрации могут при этом использовать этнокультурное содержание образования с выгодой как конкурентное преимущество. А безынициативные школы такое содержание могут растерять, что и происходит в ряде регионов. Итоги нашего исследования позволяет сделать вывод о том, что школы чаще всего не обладают умением ориентироваться в социальных запросах, что этому им нужно учиться. Педагоги заявляли: мы пока не задумывались над этим и даже не знаем, что мы вправе делать, и какие есть возможности. Поэтому чем быстрее педагогические коллективы оценят выгоды своего нового положения, тем более вероятно, что школы с преподаванием предметов этнокультурного цикла сохранятся. Очевидно, что управления образования различного уровня должны помогать школам в подобной «профориентации».

Для сохранения школьной программы этнокультурной направленности в соответствующих школах необходима особая стратегия. В одних случаях дети, поступаая учиться в начальные классы, фактически не владеют русским языком (как, например, в сельских районах Дагестана или Коми), и в этой ситуации потребность в школьных программах этнокультурного профиля очевидна. В других случаях (например, в Калмыкии, Северной Осетии) дети лишь частично знают родной язык и зачастую лучше владеют русским языком. В целом существует множество региональных особенностей, которые необходимо учесть. Например, в Республике Марий Эл сельские и частью городские школьники получают начальное образование на марийском языке или изучают марийский язык и культуру в качестве отдельных предметов. Но потребность этих предметов в республике не повсеместна из-за различий в местной языковой ситуации, и потому особая стратегия нужна для отдельных сельских районов и отдельных городских школ.

Необходимо изучать образовательные потребности. Эти потребности не сводятся к механическому собиранию мнений родителей учащихся. Мнение родителей теперь может быть услышано через всевозможные родительские советы при учебных заведениях. Но этой информации недостаточно. Нужен мониторинг социальной, демографической и культурной ситуации, «окружающей» школу. Частично, такой мониторинг могут осуществлять сами школы.

Школьная «политика» должна быть гибкой, но не должна метаться вслед за родительскими хотениями, которые, порой, не только противоречивы, но даже абсурдны. В некоторых российских регионах, преподавание предметов этнокультурного содержания, кроме языка, практически отсутствует. В других же регионах есть отдельные предметы по истории, географии, музыке, изобразительному искусству. В русском по составу городе Алатыре в Чувашской Республике, согласно республиканскому закону, в школах должен изучаться чу-

вашский язык. В тамошних условиях вопрос о преподавании чувашского языка для родителей учеников приобретает не только практическое, но и политическое звучание. Типичное родительское суждение: вот, если бы нашим детям преподавали культуру не этого народа, а того, тогда бы мы были согласны... Но на самом деле, проблема не в том, культуру какого именно народа не хотят изучать, а в том, что в ряде случаев не хотят изучать культуру в принципе. В Москве родители восставали против «московведения», и после десяти лет принудительного преподавания этот предмет сильно сократили. А ведь, казалось бы, москвичам должно было нравиться, что им преподают «их» культуру и историю.

Исследования показали, что в современных условиях острой социальной конкуренции, стремления стать эффективным на рынке труда, родители школьников не очень сильно ориентированы на обучение своих детей предметам с этнокультурным содержанием именно в общеобразовательной школе (спохватываются лишь тогда, когда лишаются такой возможности). Зачастую родители считают, что в домашних условиях их дети получают достаточные для жизни знания в области родного языка и культуры. Но замечу, те из них, кто был вовлечен в наше исследование, по мере его углубления, все более проявляли заинтересованность к изучению гуманитарных предметов этнокультурной направленности. Очевидно, родителям (и вообще населению) необходимо предоставлять информацию о том, что имеются возможности обучения детей родному языку, истории и культуре. Согласно новым правовым нормам, школа не только имеет право, но и обязана прислушиваться к мнению родителей. Но для сохранения и развития этнокультурного образования школе необходимо учиться проводить собственную политику, занимаясь и просвещением населения.

Видимо следует обратить внимание на тот факт, что лица, миновавшие обучение в старших классах общеобразовательных школ и продолжившие обучение в учреждениях среднего спе-

циального образования, настроены более радикально. Следует высказать предположение, что гуманитарные дисциплины в средних специальных учебных заведениях преподаются на низком уровне, и данное упущение приводит к дефициту толерантности в этой среде. В свете федеральной политики по усилению внимания государства к техническому образованию вывод о необходимости поддержки гуманитарного образования для сохранения социального и межнационального мира представляется актуальным.

* * *

Широко распространено мнение, что отношение к той или иной национальной группе в значительной степени обусловлено культурными или иными различиями. То есть люди негативно относятся к тем национальностям, которые значительно отличаются от них по внешности, бытовому поведению, религиозной принадлежности и т.д. Для того чтобы проверить справедливость подобных суждений в ходе проведения настоящего опроса отношение к различным национальным группам сопоставлялось с показателями, отражающими отличия этих национальных групп от русских, как численно доминирующего населения во всех городах опроса.

Респондентов спрашивали, как бы они отнеслись к проживанию по соседству с представителями ряда национальностей. Всего изучалось отношение к 17 национальностям³. Процент респондентов, негативно отнесшихся к соседству с представителями определенной национальной группы, в дальнейшем считался показателем нетерпимости по отношению к данной группе. Для различных национальностей данный показатель варьировался от 6% до 67%.

---

³ Список национальностей был составлен таким образом, чтобы в нем был представлен максимально широкий этнический спектр. В то же время, список должен был быть не слишком большим, чтобы соответствовать методике проведения исследования.

Для того чтобы оценить степень отличия по различным показателям национальных групп от русских был проведен ряд экспертных интервью с учеными-этнологами и социологами из 8 субъектов федерации. Экспертов просили оценить отличия⁴ по таким параметрам как «религия и религиозность», «внешние различия», «особенности поведения», «обособленность», «возможность говорить по-русски», «материальная обеспеченность». Среднее арифметическое (по всем экспертам) считалось итоговым показателем. В некоторых регионах итоговые экспертные оценки были получены не как средние, а на основе консенсуса. В своих оценках эксперты учитывали данные этнографии, лингвистики, других дисциплин, мнения специалистов по конкретным вопросам, а также стереотипы общественного мнения.

Таким образом, для каждой из 17 национальностей были получены, во-первых, показатель, характеризующий степень нетерпимости городской молодежи по отношению к данной национальности. И, во-вторых, ряд показателей, характеризующих степень отличия этих национальностей от русского населения. Для того чтобы ответить на вопрос, влияют ли те или иные различия (внешние, религиозные и т.д.) на отношение к национальностям, результаты массового опроса были соотнесены с результатами экспертного опроса.

Широко распространено мнение, что межнациональная нетерпимость в значительной степени обусловлена религиозным фактором. Однако среди национальностей, воспринимаемых респондентами наиболее позитивно, представлены не только православные, но также мусульмане, иудеи, буддисты. Подобная закономерность заставляет усомниться в том, что религиозная принадлежность существенно влияет на межнациональную терпимость. В частности, эти данные опровер-

---

⁴ Экспертам предлагалось оценить различия по следующей шкале: 0 – нет различий; 1 – минимальные различия; 2 – некоторые различия; 3 – существенные различия.

гают расхожее мнение о «тотальной» распространенности в крупных российских городах исламофобии.

Тот факт, что религиозные различия не влияют на уровень межнациональной терпимости, свидетельствует о значительном потенциале толерантности в обществе. Религиозное просвещение и воспитание межрелигиозной терпимости, безусловно, задачи крайне важные в поликонфессиональном российском обществе. Однако представленные выше данные говорят о том, что воспитание межрелигиозной терпимости само по себе не может привести к заметному повышению уровня межнациональной терпимости.

Стандартным обывательским суждением является, то, что отношение к людям формируется в зависимости от «национальной внешности». Однако, как показало исследование, для молодежи российских мегаполисов подобная форма бытового расизма практически не характерна. Безусловно, респонденты подмечают некие отличительные «признаки» (физиономические, жестикуляцию, манеру одеваться и проч.), которые, по их мнению, указывают на принадлежность к той или иной этнической группе. Однако подобные «отличия» играют незначительную и в основном подчиненную роль при формировании отношения к людям. При опросе, в частности, выяснилось, что отношение к иностранным студентам (более всего отличающимся по внешним признакам от окружающего населения) можно охарактеризовать как однозначно положительное. Негативное отношение к ним высказали только 8% респондентов. Положительно к иностранным студентам зачастую относились даже те респонденты, кто по иным критериям выказал значительную степень нетерпимости.

Внешние различия и отношения к национальностям не коррелируют между собой, таким образом, можно утверждать, что внешние различия не влияют на отношение к той или иной национальности.

В последнее время много говорится о необходимости этнографического образования в общеобразовательных школах, и

ВУЗах. Так называемый этнографический ликбез часто воспринимается как, своего рода, панацея при профилактике молодежного радикализма. Однако приведенные выше данные показывают, что в действительности этнографическое образование может играть лишь второстепенную роль и само по себе не сможет существенно улучшить ситуацию в сфере межнациональных отношений.

Общественные представления о том, что люди тех или иных национальностей различаются по определенной манере поведения, распространены довольно широко. Исследование показало, что подобные стереотипы оказывают влияние на показатели межнациональной нетерпимости. Если поведенческие «отличия» (от доминирующего населения) кажутся значительными, то и вероятность отрицательного отношения респондентов к такой группе тоже велика. При опросе, в частности, выяснялось отношение к поведению различных групп молодежи в общественных местах. Оказалось, что среди различных групп⁵ неприятие вызывают, прежде всего «молодые кавказцы». Таким образом, отношение к той или иной национальности сильно зависит от степени поведенческих особенностей данной национальной группы. Соответственно, уважительное отношение приезжих к нормам принимающего населения — крайне важный аспект сохранения межнационального мира.

Если, с точки зрения общественного мнения, этническая группа ведет себя отчужденно (обособленно), то высока вероятность негативного отношения к такой группе. Картину, как правило, усугубляют представления о группе, как отличающейся от остального населения в культурно-бытовом отношении, по формам занятости, по склонности к переселениям, по уровню взаимной семейной и земляческой поддержки. Выраженность перечисленных признаков является, для большинства респондентов раздражающим фактором.

---

⁵ В вопроснике были указаны следующие группы: «иностранные студенты», «золотая молодежь», «молодые кавказцы».

Результаты исследования говорят о необходимости целенаправленных усилий по преодолению гражданской разобщенности, которая очевидна. Из материалов опроса следует, что молодежь российских мегаполисов, при своей относительно высокой мобильности и коммуникабельности, все же довольно остро ощущает разобщенность национальных групп. Дефицит взаимных контактов порождает взаимную предубежденность и фобии.

Часто можно встретить мнение, что неумение отдельных групп, в особенности иностранных трудовых мигрантов, в достаточной мере изъясняться по-русски вызывает неприязнь у местного населения. Показатели опроса и изучения мнения экспертов не коррелируют между собой, таким образом, можно сделать вывод о том, что невладение русским языком не является для общественного мнения заметным раздражителем или источником неприязни. Данный факт свидетельствует о значительном потенциале толерантности в обществе. Исследование показало, что неприязнь как раз характерна по отношению к тем национальным группам, которые в достаточной мере владеют русским языком. Отсюда следует, что языковая политика государства должна, прежде всего, преследовать «технические» цели – обеспечивать возможности безбарьерной коммуникации и соблюдать языковые права различных групп населения, а не рассматриваться как основное средство профилактики межнациональных конфликтов. Вместе с тем, позитивный результат опроса не умаляет значимости воспитания у подрастающего поколения терпимого отношения к языковым меньшинствам.

Мнение о том, что различия в уровне материальной обеспеченности являются непосредственной причиной межнациональной нетерпимости широко распространено и в обществе, и в научных кругах. Часто высказывается мнение, что именно зависть по отношению к более успешным и адаптированным к современным условиям национальным группам и является причиной межнациональной розни. Соответствующие показатели не коррелируют между собой, таким образом, можно сделать

вывод о том, что «социальная зависть», если и присутствует в сознании российской молодежи, тем не менее, не служит побудительным мотивом межнациональной неприязни.

Трансформации криминального инцидента в межнациональный конфликт способствуют различные факторы, такие как социальная напряженность, провокации со стороны националистических организаций, неадекватные действия властей. При этом нельзя не признать, что сами преступления с «этническим компонентом» играют существенную роль в разжигании межнациональных конфликтов.

В ходе проведения настоящего исследования респондентов спрашивали, насколько, с их точки зрения, велик «вклад» кавказцев в криминализацию современного российского общества. Половина (47%) участников настоящего исследования считают, что представители Кавказа совершают незначительную часть от общего числа преступлений, противоположного мнения придерживается только треть (34%) опрошенных.

То, что более половины молодых респондентов не заражены предубеждениями о «виновности» кавказцев в большинстве совершаемых преступлений, хотя об этом часто упоминают СМИ, свидетельствует о значительном потенциале молодежной толерантности. Это тем более примечательно, что данный опрос проводился по следам «антикавказских выступлений» на Манежной.

Ряд экспертов считают, что главная причина распространения межнациональной нетерпимости в современной России – это коррупция. Адаптивность этнических сообществ к коррупционной среде создает у многих россиян впечатление, что именно национальные меньшинства «виновны» в коррумпированности государственных структур и в частности правоохранительных органов. Тотальная убежденность молодежи в коррумпированности правоохранительной системы заставляет молодежь искать иные способы борьбы с преступностью обладающей «этническими» чертами.

В ходе проведения настоящего исследования респондентов спрашивали, справедливо ли устроено современное рос-

сийское общество. Большинство респондентов высказали мнение, что современное Российское общество устроено несправедливо. Многие участники опроса считали, что социальная несправедливость во многом обусловлена безработицей, которая является следствием миграционного притока иностранной дешевой рабочей силы. Интересно, что мнение о справедливости современного российского общества не связано с личным благосостоянием респондента. Респонденты и с высоким, и с низким доходом считают, что современное российское общество устроено несправедливо. Респонденты, которые считают, что современное российское общество устроено несправедливо, несколько чаще выбирали нетерпимые по отношению к другим национальностям варианты ответов.

Таким образом, гипотеза о том, что мнение о несправедливости окружающего мира может приводить к межнациональной нетерпимости, подтвердилась. Вместе с этим зависимость межнациональной нетерпимости от оценки справедливости российского общества невелика. Таким образом, можно оговорить о том, что суждение о несправедливости российского общества – это не основная причина роста межнациональной нетерпимости.

Участников опроса спрашивали, как, по их мнению, окружающие воспринимают различные группы молодежи, которые можно встретить в общественных местах города. К иностранным студентам горожане, по мнению респондентов, относятся положительно. Таким образом, расизм в своих примитивных формах чужд российской молодежи. Золотая молодежь, безусловно, является социальным раздражителем, и можно было бы ожидать увидеть однозначно негативное отношение к данной категории. Однако отношение к «золотой молодежи» скорее можно назвать смешанным. Отношение к кавказской молодежи можно охарактеризовать как однозначно негативное. Как правило, респонденты объясняли свое отношение «вызывающим поведением кавказцев». Наиболее негативно к молодым кавказцам относятся в столичных мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге. В то же

время следует отметить, что негативное отношение преобладает во всех исследованных городах.

Наблюдается прямая корреляционная зависимость – чем старше респонденты, тем более негативно они оценивают поведение кавказской молодежи в общественных местах. Исходя из полученной зависимости, можно предположить, что горожане среднего и старшего возраста относятся к поведению молодых кавказцев еще хуже. Зависимости от образования в данном случае не наблюдается.

Московская молодежь – это одна треть трудоспособных жителей и пятая часть всего населения столицы. За последние десять лет этот уровень сохранился как относительно неизменный, при этом точные цифры официальной статистики, как правило, несколько ниже в удельном исчислении, чем в прилегающей Московской области и других регионах Центрального федерального округа. Реальное же положение вещей, видимо, обратное, ведь часть молодежного населения соседних регионов практически постоянно находится именно в Москве (на заработках, на учебе), а не по месту паспортной регистрации в своих регионах. Это характерно для молодежи из Тулы, Ярославля, Калуги, Владимира, но более всего – для молодежи столичных предместий. По официальным данным, численность молодых людей в Москве в возрасте от 15 до 29 лет составляет порядка 2,3 млн. чел. Как уже было сказано, реальное количество – большее. Но даже официально учитываемая цифра отражает поистине огромный масштаб, ведь количество молодежи в российской столице превышает численность жителей всех возрастов во многих российских регионах. Следует сказать и то, что в Москве сосредоточено не менее четверти молодежи всего Центрального федерального округа и более шести процентов молодежи страны.⁶

---

⁶ Здесь и далее в качестве основы для соответствующих расчетов использованы данные официальной статистики, в частности, «Молодежь в России. 2010: Стат. сб. ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010», а также ежегодники Росстата: «Труд и занятость в России» (2007–2013); Эко-

Можно перечислить многие параметры, характеризующие состояние населения, но мы назовем лишь те, что аккумулируют большое количество разных социальных эффектов. На общероссийском фоне Москва обладает самыми низкими показателями заболеваемости молодежи психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением алкоголя и наркотиков. Эти показатели явно хуже в соседних регионах – Московской, Ивановской, Калужской областях. Однако удельное количество фатальных случаев из-за алкоголя и иных психоактивных веществ в Москве среди молодежи – одно из самых больших в ЦФО (из каждой тысячи лиц молодежного возраста в столице 4 человека подвержены таким последствиям, а в среднем по ЦФО этот показатель составляет 3)⁷.

Все же, нужно учесть, что абсолютная численность подверженных алкоголю, наркотикам и последствиям самая большая в Москве как самом многонаселенном городе. Кроме того, на лечение и на заработки в столицу приезжает большое количество людей из других регионов, «перенося» и соответствующие показатели неблагополучия. С другой стороны, в Москве сравнительно с окружающими регионами и многими другими российскими регионами довольно низка молодежная, в т.ч. подростковая заболеваемость, например, ниже (в два-три раза) у московской молодежи подверженность нервным болезням.

Важный показатель – уровень занятости. Среди московской молодежи он один из самых благополучных по стране и среди соседних регионов. А что касается уровня безработицы, то он один из самых низких в стране. В Москве уровень занятости молодежи за последние пять лет составил более

номическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) (2006–2014 гг.): Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту (2009–2013 гг.) и др.

⁷ Москва по этому показателю в первой пятёрке «лидеров» вместе с Курской, Воронежской, Белгородской, Липецкой областями.

50%, тогда как в среднем по России этот уровень ниже половины молодого экономически активного населения. Впрочем, некоторые близлежащие регионы обгоняют столицу по уровню молодежной занятости, но это, прежде всего, потому, что в Москве значительная часть молодежи занята учебной. А вот по части безработицы в столице точно лучше. Если вспомнить ситуацию мирового финансового кризиса, затронувшего Россию в 2008 г., в Москве в течение последующего года безработица была на уровне 4,8% экономически активного населения молодежного возраста. А в ЦФО этот показатель был на уровне 10%. По стране же в целом он составлял даже 13,7%.

Существенны отличия уровня оплаты работающей молодежи в Москве от других российских регионов. В столице молодежь зарабатывает в среднем почти в два раза больше среднероссийского уровня. По сравнению с Московской областью – больше в 1,4 раза, по сравнению с близлежащими Калужской, Ярославской, Тверской областями – больше в два раза. А сравнительно с другими соседями по федеральному округу разница еще большая – в 2,5-3 раза. Конечно, в столичном регионе выше цены на товары и услуги, однако это превышение по многим сегментам повседневного потребления не является кратным. Между тем, уровень расходов молодежи в Москве в два раза и более превышает расходы молодых людей в других регионах, и это, помимо более высоких цен, связано именно с большей платежеспособностью столичной молодежи.

При относительно высоких заработках в Москве, столичным молодым людям, как говорится, есть куда стремиться, поскольку оплата их труда несколько отстает от среднемосковского уровня. А вот у молодежи за пределами столицы перспектив намного меньше, т.к. молодые люди в провинции, как правило, уже зарабатывают больше своих старших земляков. Особенно характерно достижение «потолка» оплаты труда для молодежи соседних Рязанской, Калужской, Яро-

славской областей. То же – в Московской области, что, конечно, является поводом к социальной «зависти» и усилению градиента молодежной миграции в сторону столицы.

Вразрез сложившимся публичным стереотипам, уровень молодежной преступности в Москве один из самых невысоких по стране – среднероссийские показатели превышают московский уровень в 4 раза. В Центральном федеральном округе показатели молодежной преступности выше, чем в Москве в 3 раза, причем, например, в Смоленской, Ярославской, Владимирской, Тверской областях превышение более чем четырехкратное и даже пятикратное. Таким образом, по многим социальным параметрам и по параметрам, производным от уровня социального благополучия, московская молодежь находится в гораздо лучшем положении сравнительно с многими российскими регионами, в том числе, регионами, расположенными поблизости от Москвы.

Следует сказать и о существенных для рассматриваемой темы образовательных параметрах московской молодежи. Прежде всего, важен численный состав обучающейся молодежи на разных ступенях профессионального образования, поскольку известно, что в молодежной среде ранних ступеней профессионального образования более характерно распространение определенных массовых предрассудков, связанных с националистическими и иными сходными воззрениями. Численность обучающихся в учреждениях начального профессионального образования в Москве на общероссийском и окружном фоне сравнительно небольшая – составляет порядка 30 тыс. чел. В Московской области – примерно такая же величина, а в других соседних регионах обучается по 7-12 тыс., но там и населения меньше. Соответственно, удельный показатель по доле обучающихся начальному профессиональному образованию один из самых низких как раз в Москве. А, например, в Тульской области показатель выше столичного в два раза, в Костроме выше даже в 4 раза. Понятно, что и доля лиц с начальным профессиональным обу-

чением среди московской молодежи тоже одна из самых незначительных в ЦФО, а также и в сравнении со среднероссийскими показателями.

Не является Москва лидером и по численности, а также удельному весу молодежи, получающей среднее профессиональное образование. На общероссийском фоне и по сравнению с многими соседними регионами доля таких обучающихся среди всего населения ниже в Москве в 1,5 раза. Зато по части высшего образования картина противоположная — здесь Москва лидер. Численность студентов в расчете на душу населения в столице в два с лишним раза превышает общероссийский уровень, а в сравнении с прилегающей Московской областью и многими соседними регионами данный показатель имеет трех- и даже четырехкратное превышение. Сами условия получения образования в Москве по многим показателям выше (обеспеченность учебными площадями, компьютерами, приборами и т.п.).

Характерны показатели трудоустройства студентов. По специальности после завершения учебы в Москве выпускники трудоустроены лучше, нежели во многих российских регионах. Если в среднем по стране непосредственно после окончания вузов не получают работу по специальности более 6% выпускников, то в Москве таковые составляют только 4% (в Московской обл. — более 5%, Калужской обл. — 11%).

В результате, мягко говоря, специфичного развития информационного поля столицы, для ее жителей понятие «межнациональные отношения» стало попросту синонимом слова «мигранты». Причем москвичи, включая молодежь, под «мигрантами» понимают и временных иностранных трудовых мигрантов, и своих сограждан, прибывших из других российских регионов, прежде всего, тех, кто отличается по языку, «внешнему виду» и «культуре». Как бы выражая общественную точку зрения, один из депутатов Госдумы РФ предложил наделить именно Федеральную миграционную службу полномочиями «регулятора» межнациональных отношений, а

иностранных мигрантов – обязать оплачивать свое пребывание в России (покупать «миграционный вексель»), и это, мол, «поможет сохранить национальную целостность РФ».

В июле того же 2013 года ВЦИОМ провел общероссийский опрос, и на его основании был обнародован вывод о том, что россияне видят в иммиграции в основном негативные последствия – рост преступности, коррупцию, повышение конкуренции на рынке труда. Заместитель директора Института психологии РАН А.В. Юревич в интервью широко читаемой газете⁸ заявил, что в каждой четвертой семье совершается бытовое насилие и чаще всего тому причиной низкая бытовая культура, малообеспеченные семьи, низкий уровень образования. Не правда ли, все это не особенно не подходит для условий Москвы?

Ученый указал три основные психологические предпосылки агрессии: недовольство человека собой и своей жизнью, негативное отношение к другим людям или социальным группам, убежденность в том, что они виноваты в его неудачах и препятствуют достижению его целей. Чтобы снизить уровень агрессивности в обществе требуется изменение этих трех негативных параметров на позитивные. Но пока, по оценке того же психолога, действует куда более мощный – информационный ресурс. И вот это уже более похоже на «правду» применительно к условиям столицы. СМИ, говорит ученый, с их «модой на труп, который оживляет кадр», постоянная демонстрация гламурной жизни, недостижимость которой обыватель переживает, порождает его агрессию. Ученый обратил внимание на то, что даже само слово «агрессивный» ныне в России нередко используют в позитивном значении («агрессивная, т.е. хорошая реклама», «агрессивный дизайн автомобиля»). «Моду» на агрессивность продуцируют футбольные болельщики, националистические организации.

---

⁸ Владыкина Т. Сейчас взорвусь. Психологи нарисовали портрет современного россиянина // Российская газета, № 6254 (278), 2013.

Источником агрессии может быть и образование. Подсчитано, что в отечественных учебниках истории количество негативных эпизодов в истории России существенно превалирует над количеством позитивных, а обилие негативных эпизодов создает негативный образ страны и ее истории. Но есть и факторы, снижающие агрессивность, которые связаны с осознанием общественных реалий, улучшающейся социальной адаптацией, расширением общественных контактов. С точки зрения практической психологии, для снижения агрессии индивида требуется не только избавление от фобий, но и обучение позитивным состояниям – формированию позитивного образа о себе, своей жизни, окружающем мире. Ныне важную роль играет открытость страны – совершая зарубежные вояжи в качестве туристов по толерантным странам, российские граждане усваивают доброжелательность как норму социальных отношений, улучшается социальное самочувствие.

Между тем, социальное самочувствие московской молодежи на фоне других групп населения как раз отличается в выгодную сторону. По данным нашего опроса 2014 г.⁹, более 82% молодых москвичей оценивают личное материальное положение как «хорошее» либо «нормальное», тогда как у среднего и старшего поколения аналогичные суждения реже на десять процентных пунктов, и у жителей других российских регионов, включая и местную молодежь, – показатель еще ниже (68%). У столичной молодежи также более оптимистичны оценки по поводу личных перспектив трудового

---

⁹ Опрос по теме «Изучение общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции» по программе Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга (рук. В.А. Тишков, В.В. Степанов) проведен в июне 2014 г. в 29 регионах РФ. В Москве опрос проведен специалистами социологического факультета РГГУ, выборка составила 400 респондентов с равным представительством всех административных округов. Молодежь в возрасте 18-29 лет составила в московской выборке 23,5%, что соответствует показателю официальной статистики с учетом данных Всероссийской переписи населения 2010 г.

заработка. Половина молодых респондентов полагает, что их заработок, с учетом возраста и профессии, будет в предстоящие годы жизни в Москве «хорошим». А среди москвичей более старших возрастов и всех респондентов в других регионах аналогичная позитивная оценка о своем заработке высказана лишь в одной трети случаев.

Оптимистичный настрой на участие в конкуренции на столичном рынке труда, видимо является для молодых москвичей устойчивым явлением. И в 2013 г. только 20% молодых респондентов указывали, что в случае увольнения они не смогут в короткий срок найти достойную альтернативу, в то время как большинство опрошенной молодежи (половина из которых в период опроса не учились, но работали) не испытывали опасений за свои рабочие места. В то же время среди более старшего поколения москвичей подобные опасения высказаны более чем 40% респондентов.¹⁰ Аналогичная картина наблюдалась и по результатам нашего исследования в 2012 г.¹¹

Будучи вовлеченными в конкурентные отношения на столичном рынке труда, молодые москвичи, безусловно сталкиваются с нередкими, а в определенных сегментах даже регулярными случаями дискриминации¹² (гендерной, возрастной, карьерной, «прописочной»), по признакам здоровья, по

¹⁰ Исследование «Этническое и гражданское самосознание россиян» проведено Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этномониторинга в сентябре-октябре 2013 г. в 16 регионах России, в т.ч. в Москве (рук. В.А. Тишков, В.В. Степанов). При малой выборке (квота на регион составила 200 респондентов), соблюдены жесткие требования по параметрам пол, возраст (три взрослые возрастные категории), уровень образования в точности соответствовавшие составу населения по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

¹¹ Опрос по теме «Социальные факторы этнической нетерпимости» по программе Института этнологи и антропологии РАН и Сети этномониторинга (рук. В.А. Тишков, В.В. Степанов) проведен в мае-июне 2012 г. в 19 регионах РФ. В Москве, согласно стандартной квоте для всех регионов, опрошено 300 респондентов по 10 категориям видов занятости, из которых пятую часть составили лица 18-29 лет (возрастные квоты при опросе не предусматривались).

¹² См. об этом: Дискриминация на рынке труда города Москвы /Под ред. И.Е. Калабихиной. – М.: МАКС Пресс, 2014.

признакам происхождения – региональным, этническим), сталкиваются и с другими многочисленными трудностями поиска и найма на выгодные рабочие места. Вместе с тем, видимо, немалая часть молодежи не только в ранние, но и довольно поздние молодые годы не так уж сильно «рискует» социальным достатком и занятостью, как это характерно для москвичей среднего и старшего поколения. Современная московская молодежь длительный период своей жизни находится в орбите материальной и иной помощи со стороны родителей и ближайших родственников. Модели поведения «ухода» из родительской семьи по мере взросления, при сохранении элементов общего с родителями бюджета и стереотипов иждивенчества, пока что мало изучены, однако применительно к условиям современной Москвы хорошо известны¹³.

Между тем, несмотря на социальное благополучие, оптимизм и защищенность, среди московской молодежи довольно широко распространены убеждения в том, что приезжие из других регионов и других государств «отнимают рабочие места» у местных жителей – о том заявила почти половина опрошенных молодых людей. И это на десять процентных пунктов больше, если сравнивать со средним и старшим поколением столицы, т.е. теми, кто сильнее, чем молодежь, подвержен трудовой конкуренции.

В среде специалистов распространено, и даже доминирует, мнение о том, что в основе негативного отношения к приезжим лежат именно экономические страхи¹⁴ (страхи о конкуренции на рынке труда, об опасности снижения уровня оплаты труда, о возрастании социальной и инфраструктурной нагрузки и т.п.). Однако, по крайней мере, в отношении молодежи, эта объяснительная «модель» не очень согласуется с

---

¹³ Уход из родительского дома / Отв. редактор-составитель И. Е. Калабихина – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова 2012, сс. 10-12 и др.

¹⁴ См., например, Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 22 – М.: Экономический факультет МГУ, 2009, с. 92, а также обзор раздела 11.

самыми разными материалами исследований. Выше уже было сказано о слабом распространении экономических и «трудовых» фобий в молодежной среде и о довольно высоком социальном оптимизме столичной молодежи. Другая объяснительная модель основывается на выявленных исследователями фактах невысокого «потенциала согласия» у россиян и манипуляциях с чувствами, связанными с национальной/этнической принадлежностью¹⁵. Применительно к столичной молодежи как раз такой внеэкономический фактор влияния на массовые стереотипы представляется наиболее весомым.

По данным упомянутого исследования 2014 г., мнение о том, что иностранные трудовые мигранты чаще, чем местные жители совершают преступления, поддерживают именно молодые москвичи – среди опрошенной молодежи о том заявила половина. Прочие респонденты в Москве согласны с таким мнением несколько реже (40%), а население российских регионов – еще реже (33%).

Податливо московская молодежь реагирует и на провокационные вопросы о пикетах и акциях против мигрантов – 28% из числа опрошенных молодых москвичей сказали, что подобные акции они могли бы поддержать. Среди старшего поколения москвичей подобных утверждений меньше – 22%, а среди опрошенных жителей других российских регионов – 17%. Видимо, для профилактики подобных настроений властям следует заботиться о том, чтобы шире распространялась объективная информация о положении трудовых мигрантов, например, об их высоком (одном из самых высоких в России) риске травматизма и смертности из-за тяжелых и нерегламентированных по технике безопасности условий труда, а также из-за различных форм насилия в их адрес¹⁶.

¹⁵ Дробижина Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. – М.: Новый хронограф, 2013, сс. 260-265.

¹⁶ Лифшиц М. Экономико-демографическая роль миграции в глобальном мире и перспективы России // Международная миграция населения: вызовы глобализации. Вып. 24 / Ред. серии В.А. Ионцев. – М.: ТЕИС, 2011, сс. 37, 38.

О том, что приезжающих в Россию мигрантов не нужно обучать русскому языку заявила пятая часть столичной молодежи. Среди московских респондентов других возрастов и других российских регионов того же мнения придерживается лишь каждый десятый. Аналогичное соотношение мнений наблюдается и по поводу идеи обучения русскому языку детей мигрантов. То же – по поводу предоставления мигрантам различных социальных услуг. По всем таким вопросам столичная молодежь проявляет заметно больший уровень нетерпимости и очевидно меньшую готовность к интеграции.

Указания на подобные отношения и описание конкретных фактов приводятся в самых разных исследованиях, а не только массовые социологические опросы. Это подтверждают глубинными интервью, анализ столичных медиаисточников¹⁷. Вместе с тем, следует учитывать, что резкие суждения о мигрантах характерны не для большинства. Две трети и более московской молодежи относятся к названным проблемам либо нейтрально, либо даже позитивно. Вопрос только в том, много это или мало, если треть молодых людей Москвы культивирует нетерпимые настроения.

По нашему опросу в Москве осенью 2013 г. молодежь, как и остальные москвичи, в своем большинстве указывали на необходимость специальной политики столичных властей по регулированию межнациональных отношений (годом ранее, в ходе другого нашего исследования¹⁸ выяснилось, что само по себе требование «политики регулирования межнациональных отношений» совпадает с пониженным уровнем ме-

---

¹⁷ В одном из недавних исследований в Москве говорится о том, что мигранты сообщали о фактах негативного отношения и дискриминации в общеобразовательных школах по отношению к их детям, причем преимущественно со стороны детей и родителей, т.е. в основном со стороны молодого поколения (Иностранцы трудовые мигранты в России / Ред. И.Е. Калабихина, П.Г. Газизуллина. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013, сс. 3-7).

¹⁸ Опрос по теме «Социальные факторы этнической нетерпимости»...

жэтнической терпимости респондентов). При этом мнение об эффективности такой политики у молодых людей заметно отличается от прочих категорий опрошенных. Две трети молодых респондентов заявили, что московские власти буквально ничего не делают для регулирования межнациональных отношений, причем эти мнения высказывались без существенных различий как до, так и после массовых беспорядков, учиненных в московском районе Бирюлево. Заметим, что у москвичей среднего и старшего возраста категоричные суждения также имеются, но они характерны только для одной трети респондентов. А что касается той небольшой части молодых респондентов, которые полагают, что национальная политика в Москве все же есть, то и они по большей части оценивают эту политику как неудачную.

В этой связи уместно указать на явные признаки неосведомленности московской молодежи о реальных действиях в сфере политики межнациональных отношений, что в немалой степени объясняется слабыми пропагандистскими и информационными усилиями столичных управленцев. А кроме прочего, это объясняется на удивление низкой вовлеченностью молодых людей в Москве в общественную жизнь, равно как и неучастием в созидательной деятельности структур гражданского общества¹⁹. По нашей оценке, в столице имеется свыше полутора сотен общественных организаций этнокультурной направленности; есть также не менее полусотни земляческих обществ, казачьих организаций; зарегистриро-

¹⁹ Вместе с тем, за последние годы в Москве появилось и действует значительное количество общественных объединений сомнительной или откровенно деструктивной направленности, объявляющих о своем стремлении подменить в той или иной сфере власть и «навести порядок» (на дорогах, в сфере нравственности и проч.). Участие молодежи в таких организациях/группировках не добавляет толерантности общественным взаимоотношениям в столице, но скорее действует в противоположном направлении. Об этом см.: Национальный вопрос и альтернативный правопорядок. Аналитический отчет по одноименному исследованию для слушаний Комиссии по межнациональным отношениям и свободе совести Общественной палаты РФ, ноябрь 2013 г.

вано большое количество религиозных организаций²⁰. Имеется множество отделений политических партий и движений. Есть и немалое количество незарегистрированных организаций. Не все из них активны и не все реально функционируют, но тех, которые действуют, насчитывается в столице в большом количестве и они крайне разнообразны по сферам своей активности. Между тем, судя по опросам, в частности по результатам нашего опроса 2013 г., общественная активность москвичей, включая и молодежь, не является высокой. Не участвуют, по их заверениям, ни в каких общественных организациях более 70% столичных респондентов, и это же характерно для молодежи. Если опрашивать в качестве целевой выборки только учащуюся молодежь, то показатель общественного участия становится немного выше, но подобная «общественная» активность, как правило, ограничена рамками соответствующих учебных заведений, т.е. носит замкнутый характер и мало связана с широкими общественными контактами. Что касается активности тех москвичей, кто вовлечен в общественную деятельность, то такая заметно различается по возрастным группам, причем для молодежи характерно участие в сообществах спортивных болельщиков – по нашим данным это порядка 17% всех молодых респондентов столицы, прежде всего включая т.н. футбольных фанатов. В какой-то мере (в пределах 5-7%) молодежь интересуется участием в религиозных организациях. Но общественная деятельность этнокультурной направленности и, тем более, какие-либо контакты с организациями, помогающими социальной защите мигрантов, московскую молодежь не востребована.

---

²⁰ Мы анализировали состав общественных организаций Москвы по Единому государственному реестру юридических лиц на середину 2013 г., а затем во второй половине года опрашивали такие организации по поводу участия в общественном регулировании и общественно-государственном партнерстве в сфере международных отношений и потенциала миротворческой деятельности.

Проблема некоторого «социального отчуждения», назовем это так (хотя кажется невероятным говорить об изолированности молодежи в эпоху тотальной для столицы электронной коммуникации), проявляется в специфике референтной идентичности – молодежь столицы, видимо, менее склонна ассоциировать себя с Россией. Хотя, надо сказать, ситуация тут динамична. Например, при опросе в 2013 г. далеко не все, а только немногим более половины молодых респондентов говорили, что предпочли бы, чтобы окружающие воспринимали их как граждан страны, а не как «москвичей» или представителей какой-либо этнической группы. Еще пятая часть опрошенных заявила, что они в первую очередь ощущают именно этническую принадлежность. В то же время респонденты-москвичи более старших возрастов говорили о доминирующем чувстве принадлежности к стране в 60% случаев, и это лишь немного ниже, чем в других российских регионах. В первой половине 2014 г. в стране наблюдался подъем гражданского патриотизма после Зимней олимпиады в Сочи, а в последующие месяцы – из-за резкого обострения обстановки на Украине и в связи с переходом Крыма под юрисдикцию России. Непосредственно после этого при опросе в мае²¹ чувства гражданской идентичности разделяли почти три четверти молодых москвичей. Однако уже через месяц²² выраженность показателя вновь ослабла, опустившись ниже 60%.

Примечательны и рассуждения «об обидах», например, о случаях дискриминации в свой адрес из-за гражданской принадлежности – с такой проблемой, по их оценке, столкнулись 20% респондентов из числа столичной молодежи, в то время как прочие респонденты-москвичи и опрошенные в других

---

²¹ Респонденты отвечали на тот же вопрос, что и годом ранее. См.: Романов М.В., Степанов В.В. Национальный вопрос в России в контексте украинского кризиса. – М.: Общественная палата РФ, 2014.

²² Опрос по теме «Изучение общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции»...

регионах говорят о дискриминации по гражданской принадлежности в два раза реже.

При осеннем опросе 2013 г., высказывая суждения о состоянии страны, именно молодые москвичи чаще других говорили, что Россия «переживает упадок» – таких ответов более 40% (не считая тех, кто сказал, что в стране есть и черты подъема, и признаки упадка). А среди остальных московских респондентов, как и среди жителей других регионов, подобных суждений примерно одна треть. Характерны различия в численности тех, кто видит в современной России признаки возрождения: среди московской молодежи таких суждений только 8%, среди более старших респондентов Москвы – 14%, среди респондентов других регионов, включая местную молодежь, – 18%.

Потому, видимо, не случайно, именно молодые респонденты в Москве при опросах говорят, что для реализации их жизненных планов более подходящим было бы другое государство, но не Россия – таких ответов осенью 2013 г. оказалось свыше 40% и более десятой части опрошенных уклонились от прямого ответа (среди прочих москвичей о другом государстве сказали 11% и уклонились от ответа 15%; в иных же российских регионах о «другом государстве» сказали 20,8%, включая и суждения местной молодежи, а уклонившихся от ответа – 12,6%).

Приведенные данные официальной статистики и сделанные наблюдения в ходе массовых опросов и иных исследований представляют московскую молодежь с одной стороны как категорию населения с хорошим уровнем социального самочувствия, причем, возможно, по этому параметру молодежь столицы лидирует на общероссийском фоне. С другой стороны, эта группа населения явно выделяется своей социальной «жесткостью», даже радикальностью суждений, что лишь отчасти объяснимо категоричностью, свойственной молодому возрасту. И если «модное» желание жить и работать за пределами страны возможно продиктовано логикой общественного развития самого крупного в стране мегаполиса,

логикой, сформированной не сегодня или вчера, но еще в годы советских десятилетий, то приметное нежелание столичных молодых людей ассоциировать себя с Россией очевидно является прямым следствием нынешнего воспитания и явного дефицита усилий по привлечению молодых москвичей к общественному участию (общественное участие в виде досуга – не в счет!). А результат – повышенная в столичной молодежной среде «обидчивость»/реактивность и недостаточно бережное отношение к окружающим. Вместе с тем, хорошее (лучшее в стране?) социальное самочувствие московской молодежи может служить основой для быстрого улучшения ситуации, а это, в условиях современных вызовов, чреватых экономическими и общественными кризисами, насущно необходимо и для 12-миллионного мегаполиса, и для всей России.

* * *

В последнее десятилетие культурное многообразие России стало еще более сложным, т.к. она стала страной, чрезвычайно привлекательной для мигрантов. Хотя контекст внешних миграций для России – достаточно новое явление, сегодня она вышла на второе место в мире по объемам иммиграции после США²³. Актуальными стали проблемы социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей зарубежных мигрантов и для школьного образования, их острота нарастает по мере поступления в российские школы все большего числа детей, ассоциирующих себя с другими языками и культурами.

Миграционная нагрузка на образовательную систему значительно увеличилась с конца XX века не только вследствие роста зарубежной миграции, но и за счет того, что многие ранее прибывшие мигранты, в течение нескольких лет

---

²³ Сергеев М. Россия – магнит для мигрантов // Независимая газета, 2008-03-21 / http://www.ng.ru/economics/2008-03-21/6_migranty.html.

адаптировавшиеся в новых условиях, стали массово приводить свои семьи из мест «исхода». Около трети мигрантов сегодня приезжают с детьми. Желание взять их с собой, невзирая на многочисленные трудности, часто является косвенным свидетельством намерений мигрантов в дальнейшем переехать в Россию жить постоянно. По исследованиям Центра миграционных исследований, именно дети мигрантов, выросшие в России, имеют гораздо больше шансов интегрироваться в российское общество, чем их приехавшие на работу родители. Более того, как правило, и родители, чьи дети живут с ними в России и посещают здесь школы и детские сады, легче преодолевают трудности интеграции и в большей степени ориентируются на постоянное проживание в России. Среди них хотели бы навсегда остаться в России, получив гражданство больше трети (36%), тогда как среди всех мигрантов эта доля не превышает 25-26%²⁴.

Мигранты распределяются по стране неравномерно. По данным Департамента образования г. Москвы в школах столицы в 1999/2000 учебном году обучалось более восьми тысяч детей, прибывших из зарубежных стран, в 2000/2001 году их было уже свыше одиннадцати тысяч, а в 2004/2005 г. – 25 тысяч. Итоги мониторинга показали, что к 2007 г. число школьников – недавних мигрантов возросло в столице до 30 тысяч²⁵. Сегодня по экспертным оценкам в столичных школах обучаются около 70 тыс. детей, приехавших в столицу из российских регионов и зарубежья. Точных данных по количеству детей мигрантов в школах нет. Называются разные цифры: в Москве их от 4 до 10 процентов учеников, в Подмосковье – даже до 12 процентов. Официальная цифра по

---

²⁴ Данные опросов Центра миграционных исследований, 2010 год.

²⁵ Данные Департамента образования г. Москвы. Мониторинг осуществляется с 1999 г. Подсчет проведен при помощи специалистов Центра международного образования «Этносфера», с 2004 г. – сотрудников Центра международных образовательных программ.

Санкт-Петербургу – 3 процента таких школьников. По другим данным в Москве уже есть школы, где число приехавших из других государств учеников составляет до 70%, и районы, где до 25% населения не говорит по-русски. В Петербурге количество детей мигрантов только за последние 5 лет выросло вдвое.

При сравнении данных по составу учеников, прибывших из стран ближнего и дальнего зарубежья, за последние годы наблюдается значительный рост (на 37%) числа школьников, переселившихся в Москву из дальнего зарубежья, и небольшой рост (на 3%) – ребят, прибывших из стран «ближнего» зарубежья²⁶. Если в конце 80-х –90-х годах наблюдался устойчивый приток мигрантов из стран закавказского региона (вынужденная миграция из Нагорного Карабаха, Абхазии), то в начале 2000-х годов произошло смещение акцентов в сторону трудовой миграции из Молдовы и стран Центральной Азии. Численность зарубежных мигрантов с Кавказа осталась примерно на том же уровне и даже немного выросла (Азербайджан, Армения).

В частности, выросло число учащихся московских школ – детей выходцев из Молдовы, Латвии и Литвы (более чем в полтора раза), Казахстана и Туркменистана (в два раза), Узбекистана (в 3 раза), Кыргызстана и Вьетнама (в 5 раз). В основном, стабильна в последние годы численность детей из Азербайджана, Армении и Украины. Уменьшилось число детей зарубежных мигрантов из Беларуси, Грузии (Абхазии) и Таджикистана²⁷.

Отечественный и мировой опыт показывает, что при закономерности значительных миграционных потоков только сфера образования и воспитания способна обеспечить социокультурную и, прежде всего, языковую адаптацию детей мигрантов и тем самым в значительной мере предотвратить

²⁶ Данные Департамента образования г. Москвы.

²⁷ Данные Департамента образования г. Москвы.

маргинализацию этих слоев общества. Важным компонентом при реализации проектов интеграции мигрантов является обучение детей-мигрантов русскому языку, поскольку знание языка является первым шагом к их успешной адаптации, позволяет контактировать не только внутри своей этнической общины, уменьшает чувство беспомощности и зависимости. Целями обучения, наряду с образовательной задачей, является включение детей мигрантов в новое для них социальное и культурное пространство, воспитание установок уважения к российским традициям, создания возможности реального участия этой части молодежи в жизни страны.

В этом отношении российская образовательная политика соответствует международным стандартам. Сам факт необходимости внимания к образованию мигрантов мало у кого сегодня вызывает сомнение. Она не раз становилась предметом обсуждения на совещаниях разных уровней. Например, этому был посвящен ряд заседаний Коллегии Департамента образования г. Москвы. Накопленный опыт нашел свое отражение в целевых программах Правительства Москвы по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики. Более того, именно усилиями Департамента образования г. Москвы одной из задач Московской городской миграционной программы на 2008-2010 годы стала «адаптация и интеграция иммигрантов на основе взаимоуважения к культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу жителей города»²⁸.

* * *

Согласно концепции этнокультурного образования, созданной в первой половине 1990-х годов, его содержание должно было решать три взаимосвязанных задачи: обеспе-

---

²⁸ Утверждена Постановлением Правительства Москвы «О Московской городской целевой миграционной программе на 2008-2010 годы» от 21.08.2007. № 711-ПП.

чить личности возможности самоидентифицироваться как представителю той или иной этнической культуры и традиции; создать условия для включения личности в общероссийский и общерегиональный стандарт образования; обеспечить интегрированность личности в современную мировую цивилизацию²⁹.

С проблемой соотношения этих трех составляющих тесно связана проблема целей и задач образования, в том числе его этнокультурного компонента. Вводя этнокультурный компонент, мы можем преследовать различные цели: интеграцию представителей различных этнических и конфессиональных групп в единое общество гражданского типа, основанное на признании культурного плюрализма, или решать задачу автономизации этнокультурных и этноконфессиональных общностей, превращения их в культурные анклав. Промежуточное положение занимает тип этнокультурного образования, целью которого является культурное обособление меньшинства по отношению к большинству в сфере языка общения, семейных традиций и т.д.³⁰

Как показывает контент-анализ содержания школьных программ, их направленность, в том числе в части этнокультурологической составляющей, во многом зависит от типа учебного заведения и преподаваемых там предметов. Например, по данным доцента Пензенского госуниверситета О.В.Черновой, проводившей свое исследование до упразднения национально-регионального компонента в школьном образовании, в общеобразовательной школе («обычной») дополнительные курсы и факультативы нацелены преимущественно на углубленное изучение стандартных учебных про-

---

²⁹ Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным (национальным) компонентом образования. // Состояние и перспективы развития учреждений национального образования г. Москвы. Информационно-методический сборник. Вып.2. М., 1995. С. 5-6.

³⁰ Следзевский И.В. О состоянии этнокультурного образования в Москве. // Этнодиалоги. Альманах. 2003, № 1. С. 79.

грамм. В лингвистической гимназии, где основательно изучаются западноевропейские языки, а также культуры народов этих стран, программы культурологического цикла составляют 80%. При этом обширные знания о зарубежной культуре наряду с недостаточными знаниями о своей, по мнению автора, способствуют формированию «комплекса неполноценности» в отношении своей страны и культуры. В школе, работающей по программе «Русская школа», культурологические программы нацелены на четкое осознание учащимися своей этнокультурной идентичности, принадлежности к российской цивилизации, включающей много народов³¹.

На определенном историческом этапе школы с этнокомпонентом оказались востребованными, это – социальный заказ жителей страны. Одним из адресатов учебных заведений с этнокомпонентом являются старожительская часть представителей этнических меньшинств, которая заинтересована в сохранении определенных этнических традиций и родного языка. Ряд языков, преподаваемых в этих школах (например, корейский) не является разговорным для семьи школьника и изучается практически как иностранный. Наряду с этим, важная и достаточно новая проблема для российских школ – адаптация мигрантов. И именно их изоляция в условиях раздельного обучения может повлиять на дальнейшую социализацию ребенка. В ряде российских школ ведется серьезная работа по преодолению недавно приехавшими детьми адаптационного порога. В то же время пришло время принимать меры, препятствующие созданию в недалеком будущем этнокультурных и этноконфессиональных анклавов в столице.

Интеграционные процессы современности, миграционные и социальные особенности страны конца 1990-х годов – начала XXI века, во многом изменили ситуацию. В Концепции дальнейшего развития этнокультурного образования в

---

³¹ Чернова О.В. Некоторые аспекты контент-анализа программ этнокультурного компонента школьного образования // Реальность этноса. Спб. 2002. С. 356-357.

Москве отмечены следующие присущие ей, по мнению экспертов, черты: нарастание различий между москвичами разных национальностей и новыми мигрантскими, в том числе диаспорными группами и сообществами, не интегрированными в московский социум, возникновение в результате этого заметных социокультурных барьеров между москвичами-старожилами и мигрантами, ставшими жителями Москвы в конце 1990-х – начале 2000-х годов; существенное изменение мотиваций и целей миграций в Москву: падение роли образовательно-культурных мотиваций за счет чисто экономических мотиваций, стимулирующих приток трудовых мигрантов; появление в некоторых сообществах недавних мигрантов тенденции к формированию замкнутых корпоративных групп по этническому признаку в качестве ответной реакции на случаи этнической дискриминации мигрантов; снижение уровня толерантного восприятия культурных и конфессиональных различий и соответственно распространение ксенофобских настроений, граничащих с экстремизмом...»³².

Новые тенденции, как считают авторы Концепции, снижают традиционно высокий уровень межкультурной интеграции в Москве, разрушают традиционные образы общемосковской идентичности и ценности единой московской соционормативной культуры. Московская идентичность начинает противопоставляться идентичности этнических меньшинств³³. Оценивая накопленный опыт, было принято решение о том, что в условиях появления в Москве больших групп неадаптированных инокультурных мигрантов, этнокультурное образование ни по содержанию, ни по функциональному назначению не может ограничиваться воспроизводством этнокультурного многообразия. Кроме того, такие программы реализуются в небольшом по московским меркам количестве школ, не затрагивая в целом образовательное пространство

---

³² Альманах «Этнодиалоги». 2007. № 2 (26). С. 20.

³³ Там же. С. 21.

массовых школ. Это привело к корректировке целей и задач этнокультурного образования в Москве в направлении поликультурного просвещения всех участников образовательного процесса – учеников, учителей и родителей в масштабах всей сети образовательных учреждений столицы³⁴.

В соответствии с новой Концепцией дальнейшего развития этнокультурного (поликультурного) образования в Москве, «цель этнокультурного образования в современных условиях – воспитание российской и московской идентичности, гражданственности и патриотизма независимо от национальной принадлежности учащихся. Этнокультурная составляющая образовательного процесса должна быть нацелена на формирование позитивной этничности, межкультурной компетентности и толерантности учащихся, воспитание личностных установок культуры мира, межнационального диалога и согласия»³⁵.

Недостаточное владение русским языком является одной из проблем, с которой сталкиваются дети иммигрантов, прибывших из других государств, ранее входивших в состав СССР. Как отмечают эксперты, для большинства мигрантов «новой волны» характерно слабое знание государственного русского языка, а многие из вновь прибывающих детей не владеют им вообще. У прибывающих учеников отсутствуют также достаточные для социализации знания об основах российского законодательства, культуры и истории, традиций и норм поведения в быту, т.е. они не интегрированы в российское общество. Анкетный опрос, проведенный в начале 2002 г. среди директоров московских школ, показал, что такие ученики есть в 68% школ.

Опыт других стран, принимающих мигрантов, показывает, что организация широкой сети бесплатного обучения государственному языку детей и взрослых способствует вклю-

---

³⁴ См. Интеграция мигрантов средствами образования. М., «Этносфера», 2008. С. 41.

³⁵ Альманах «Этнодиалоги». 2007. № 2 (26). С. 17-40.

чению мигрантов в процесс социальной коммуникации, преодолению их групповой замкнутости. Поэтому одним из путей решения этой проблемы в России стали специальные программы обучения мигрантов русскому языку на базе средних школ с тем, чтобы они в дальнейшем имели возможность свободно обучаться в общеобразовательных школах.

С 2000 г. в московских школах ведется обучение по программе «Русский как иностранный». В одной из московских школ тогда был организован подготовительный класс для детей 6,5-8 лет, не говорящих по-русски. Первыми учениками его стали дети из семей беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана, Ирака и ряда африканских стран. Методическое сопровождение осуществляла кафедра международного образования Московского института открытого образования (создана в 1999 г. на базе Центра межнационального образования). Ею подготовлены учебные пособия и методические комплекты. Стал преподаваться курс переподготовки учителей-словесников по программе преподавания русского языка как иностранного. В 2000 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между Правительством Москвы и российским представительством УВКБ ООН, закрепивший это начинание. Его поддержало и ЮНЕСКО³⁶.

С января 2003 г. участниками проекта были уже пять школ г. Москвы. Эти образовательные учреждения стали инновационными площадками по социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей зарубежных мигрантов. К 2006 г. проектом было охвачено около 3 тыс. детей мигрантов, что по имеющимся официальным данным составляет примерно восьмую часть всех детей мигрантов школьного возраста, проживающих в столице³⁷. Открыто 243 группы по изучению русского языка как иностранного (РКИ) на базе 152

---

³⁶ См. Интеграция мигрантов средствами образования. М., «Этносфера», 2008. С. 50-51.

³⁷ Этноэкспресс. 2007, № 11. С. 4-5.

образовательных учреждений всех учебных округов. Используется также практика проведения летних лагерей русского языка и система дополнительного образования.

На протяжении пяти-шести лет в рамках международного проекта отрабатывались подходы к системной подготовке к обучению детей мигрантов в русскоязычной школе. В декабре 2005 г. вопросы интеграции детей мигрантов средствами образования были вынесены на обсуждение Коллегии Департамента образования г. Москвы. Было принято решение считать работу по социокультурной интеграции этой категории детей одной из приоритетных для системы московского образования. В марте 2006 г. Департаментом образования утверждена «Программа интеграции детей зарубежных мигрантов в московскую образовательную среду и их социокультурной адаптации к условиям столичного мегаполиса». Ее ноу-нау – создание сети Школ русского языка – базовых центров, которые призваны решать задачи как разноуровневого обучения русскому языку по методике РКИ, так и стать интеграционными курсами, обучающими основам российского законодательства, истории, культуры, способствовать формированию у вновь прибывших детей российской идентичности, оказывать психологическую поддержку, проводить информационную работу с родителями. В 2006/2007 г. в Москве в экспериментальном режиме начали работать 10 таких школ в разных округах в режиме полного дня. Продолжительность обучения – один год. Затем дети продолжают обучение в обычных школах по месту жительства³⁸. Сейчас в Москве 12 школ русского языка для нерусских детей. В 68 школах Москвы ведутся дополнительные занятия по обучению русскому языку. Переняли опыт Москвы и школы Санкт-Петербурга.

По данным Департамента образования г. Москвы около 70% учащихся Школ русского языка это мальчики. Четверть контингента школ формируют дети мигрантов из дальнего

---

³⁸ Там же.

зарубежья, остальные 75% – из стран СНГ и регионов Российской Федерации. Среди стран происхождения лидируют Азербайджан, Таджикистан, Афганистан, Киргизия и Узбекистан. 22% учащихся готовились к обучению в первом классе общеобразовательной школы, еще 28% – к обучению в других классах начальной школы, остальные 50% проходили программу подготовки к 5-9 классам общеобразовательной школы³⁹.

В целом, применение подобного рода адаптационных программ соответствует международным стандартам. Об их воздействии на этнокультурную составляющую России можно будет судить спустя какое-то время. Но и сейчас уже очевидно, что задачи адаптации мигрантов и их интеграции в культурное пространство страны наиболее эффективно решаются путем организации системного образовательного воздействия на детей и подростков, которым гораздо легче воспринять традиции и правила социальной жизни на новом месте, нежели старшему поколению мигрантов. Т.о. в след за развитием сферы этнокультурного образования, отечественные педагоги приступили к созданию сети учреждений, осуществляющих комплексную языковую и социально-культурную адаптацию детей мигрантов⁴⁰.

Как показывает мировая практика, для успешной интеграции мигрантов немаловажным фактором является обуче-

---

³⁹ Информация из аналитического отчета о деятельности Школ русского языка. Цит. по Интеграция мигрантов средствами образования. М., «Этносфера». 2008. С. 57.

⁴⁰ Об интеграции мигрантов см. Мартынова М.Ю. Поликультурная Москва и этнокультурные аспекты модернизации школьного образования // Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности. М.: РУДН, 2007; Мартынова М.Ю. Московский опыт адаптации мигрантов средствами образования // Молодые москвичи. Кросскультурное исследование. Отв.ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М., 2008; Мартынова М.Ю. Этнокультурное многообразие москвичей и школьное образование // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. Ежегодный доклад ЕАWARN, М.: ИЭА РАН, 2010. С. 80-98. Мартынова М.Ю. Мигранты: возможности интеграции через образование // Московская модель этнической политики. М., 2013.

ние и адаптация наряду с вновь прибывшими группами местного населения. Складывающаяся в настоящее время в стране ситуация вокруг миграционной проблематики и развернувшаяся в обществе дискуссия по данному вопросу требуют комплексного подхода к организации работы как с семьями зарубежных мигрантов, так и с коренными жителями в целях повышения атмосферы толерантности и этнокультурной компетентности.

Педагогами обращается внимание на целый ряд учебных предметов. Среди них одно из первых мест принадлежит межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией обычно понимают процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия между выходцами из разных культурных сред. Временем рождения межкультурной коммуникации как научной дисциплины считается 1954 г., когда была опубликована книга Э. Холла и Д. Трагера «Culture as Communication» («Культура как коммуникация»), в которой авторы впервые предложили для широкого употребления этот термин. Позднее основные положения и идеи межкультурной коммуникации были развиты Э. Холлом в известной работе «The Silent Language» (Немой язык. 1959), в которой автор показал тесную взаимосвязь между культурой и коммуникацией. Холл пришел к выводу о необходимости обучения культуре («если культура изучаема, то она может быть и преподаваема»). Тем самым Холл первым предложил сделать проблему межкультурной коммуникации не только предметом научных исследований, но и самостоятельной учебной дисциплиной.

Впоследствии многие западные ученые предложили свои модели организации межкультурного обучения, среди которых наиболее известными являются концепции Д. Хупса и М. Беннета⁴¹. Бестселлером, как в мире, так и в России стал

---

⁴¹ См. Hoopes D. Intercultural Communication Concepts and the Psychology of Intercultural Experience // Multicultural Education: A Cross Cultural Training

учебник по кросс-культурной психологии (он недавно переведен на русский язык), написанный авторским коллективом под руководством канадского ученого Дж. Берри⁴².

В отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков. Учебные программы лингвистических ВУЗов стали дополняться дисциплиной, призванной знакомить учащихся со спецификой межкультурного общения, прививать практические навыки межкультурной коммуникации. Особо отмечу книгу профессора МГУ С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация»⁴³, учебные пособия по этому предмету с ориентацией на студентов-филологов изданы в Воронеже. Опубликован и учебник для ВУЗов «Основы межкультурной коммуникации»⁴⁴.

Вероятно, было бы полезно расширить круг лиц, которым преподаются знания о межкультурной коммуникации. Начинать обучение навыкам межкультурного общения необходимо уже в детском возрасте. Впрочем, о параметрах обучения межкультурной коммуникации в средней школе уже задумываются педагоги⁴⁵. На учителей и учащихся средних школ рассчитано пособие М.Ю. Мартыновой «Мир традиций и межкультурное общение»⁴⁶. На наш взгляд, самым важным фактором успешности межкультурного общения является межкультурная или поликультурная коммуникативная компетентность контактирующих личностей, с тем, чтобы всяче-

---

Approach. U.S. Intercultural Press. 1980; Bennet M. Towards Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience. U.S.A. Intercultural Press. 1993.

⁴² Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология. Харьков, 2007.

⁴³ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2001.

⁴⁴ Его авторы – Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д, Садохин А.П. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

⁴⁵ См. Барышников Н.Ф. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе. 2002, № 2. С. 2-4.

⁴⁶ Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю. М., РУДН. 2004.

ское сравнение чужой культуры со своей основывалось на знаниях, а не на эмоциях.

Актуальность подготовки молодежи к жизни и деятельности в многоязычном и поликультурном обществе мало у кого сегодня вызывает сомнения. Чтобы лучше понять, насколько серьезное внимание уделяют российские педагоги развитию этнокультурной составляющей, приведу некоторые цифры. По данным недавнего опроса директоров московских школ, те или иные предметы этнокультурного цикла изучаются в более чем половине учебных заведений (56% из присланных анкет). Отрицательно ответили 32% директоров, без ответа вопрос оставили 12%. Попытки реализовать эту задачу ведутся как путем создания специализированных учебных заведений, так и в массовых общеобразовательных школах⁴⁷.

Идея поликультурного образования вводится в практику путем преподавания нескольких дисциплин. Все больше этнузиастов-педагогов выступает в поддержку преподавания этнологии не только специалистам, желающим связать свою судьбу с этой наукой, но и более широкой аудитории. По мнению многих педагогов, знания об истории формирования этнического состава населения региона, этнодемографической ситуации и других культуре народов мира способствуют складыванию хороших межэтнических отношений в молодежных коллективах. Как отмечал, например, заведующий кафедрой этнологии Башкирского государственного университета профессор Р.З. Янгузин, на примерах из истории этнокультурного взаимодействия студенты убеждаются во взаимообогащении культур, понимают, как те или иные культурные достижения становились частью их собственных традиций. В частности, что распространением земледелия башкиры обязаны пришлому русскому населению, опыт башкир по организации зимней тебеневки лошадей широко использовали русские крестьяне, взаимодействие башкир с переселен-

---

⁴⁷ www.ethnosphera.ru

цами из Поволжья особенно ярко отразилось в женской одежде и украшениях⁴⁸.

Пока еще с трудом находит себе место в школьных программах такой предмет как этнология или народоведение. Введение этой дисциплины в общеобразовательный процесс находится в стадии эксперимента, она преподается, как правило, факультативно. Недооценка значимости народоведения вызывает сожаление. Его рассматривают, как предмет, апеллирующий к прошлому культурному наследию, а ведь в исследовательскую сферу этнологии входит и современное общество. И это как раз те знания, которые могут дать максимально много для полноценной социализации личности и воспитания у детей правильной стратегии поведения в сфере межнациональных отношений.

Отрадно, что коллектив педагогов разработал пособие по ознакомлению дошкольников и младших школьников с народами и культурами России «Я, ты, он, она – вместе целая страна» (руководитель творческого коллектива – зав. лаб. МИОО, к.пед.н. Е.А. Найденова). Вышел в свет подготовленный преподавателями кафедры этнологии исторического факультета МГУ под редакцией профессора В.В. Пименова учебник по народоведению для старших классов в двух томах⁴⁹.

Можно позаимствовать опыт и других регионов России. Например, в Свердловской области этнокультурное образование охватывает весь период школьного обучения и делится на три этапа, преподаются такие предметы, как «Народное творчество» (с 1 по 4 класс), «Традиционная культура» (5-9 класс), «Этнокультурология» (10-11 класс). В то же время, в краях и областях содержание этно-регионального компонента часто ограничивается краеведческими материалами. Не

---

⁴⁸ Янгужин Р.З. Этнокультурное взаимодействие народов Башкортостана – пример дружбы и согласия // Традиционная культура как действенное средство воспитания... Пятигорск. 2003. С. 100.

⁴⁹ Народоведение. Том 1, 2. М., 2002.

остаются без внимания дисциплины, посвященные культуре и традициям местного населения, и в школах Ставропольского края, где, например, преподаются такие предметы, как «Литература Ставрополья и Северного Кавказа», «Фольклор народов Ставрополья», «Культура и обычаи народов Ставрополья» и др.

Этнокультурные модули включаются в образовательные программы многих дисциплин. Для этого используются, прежде всего, уроки литературы, истории, географии, мировой художественной культуры. В частности, в издательстве «Интербук» опубликованы имеющие гриф Министерства образования программы и комплект учебников по МХК для 5-9 классов. Их авторы – профессора Т.И. Бакланова и Н.М. Сокольников в основу курса положили этнокультурные и культурно-исторические традиции России. Учебник для 5 класса имеет подзаголовок «Художественная культура России: живая старина». Школьникам предлагается совершить виртуальное путешествие по музеям-заповедникам деревянного зодчества, побывать в русской избе, православном храме, узнать об обычаях и народных праздниках.

Даже на уроках физики и математики талантливые учителя находят возможность реализовывать идеи «культуры мира». Так, например, в одной из школ (№ 1016) знакомство с понятием «отрезок» происходит в форме виртуального путешествия по Кремлю, а дроби объясняются в форме ролевой игры «Встреча на Египетской земле» (знакомясь с культурой Египта и изготовляя макет долины Гиза дети решают старинную египетскую задачу на нахождение числа по значению дроби)⁵⁰.

В последние годы отечественными педагогами все больше внимания уделяется методике формирования идентичности молодежи, его гражданской позиции и патриотизма. Например, Федеральным институтом развития образования

---

⁵⁰ См. также: Жулева А.С. Народоведение. 8-11 кл. М., 1998.

под руководством А.Г. Асмолова подготовлены «Учебно-методические материалы для педагогов различных ступеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности личности учащихся в рамках социального партнерства семьи и школы» (М., 2012) и «Программы психолого-педагогической подготовки родителей по формированию гражданской идентичности личности в рамках социального партнерства семьи и школы» (М., 2012). Подспорьем для учителя может стать книга академика В.А. Тишкова, выпущенная издательством «Просвещение» и адресованная преподавателям общественных дисциплин «Российский народ». (М., 2010). О том, как сформировать у молодежи гражданскую идентичность защищаются диссертации и публикуются научные работы. Проводятся методические семинары и конференции. В октябре 2012 г. в Общественной палате прошли слушания на тему «Формы и способы работы с идентичностью: язык, образование, культура».

В заключение хотелось бы отметить, что последние исследования российских социологов показывают, что российское самосознание у современной молодежи является доминирующим⁵¹. Примерно 80-95% опрошиваемой молодежи заявляют, что считают себя россиянами и ощущают свою связь с Россией, до 70% ответили, что ощущают сильную связь с гражданами России. Это очень высокий показатель, если учесть, что в 1992 г. по опросам Института этнологии и антропологии РАН в Москве – столице государства – лишь четверть населения идентифицировала себя как россиянин⁵².

Замеры социологов также показывают, что в сознании наших граждан прекрасно уживаются несколько идентично-

⁵¹ См., например, Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики), М., 2011; Российская идентичность в Москве и регионах/ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2009, а также другие работы российских социологов – Л.М. Дробижевой, А.С. Запесоцкого, Д.Л. Константиновского, Ф.Э. Шереги, Ю.А. Зубока, В.И. Чупрова и др.

⁵² Российская идентичность в Москве и регионах... С. 19.

стей (истолкований себя). Государственная, гражданская и этническая идентичности совмещаются у большинства граждан. Опрос 2011 г. показал, почти полное совпадение принятия государственно-гражданской и этнической идентичностей (95% и 90%)⁵³. Хотя в реальности эти идентичности по разному интерпретируются и понимаются респондентами, очевидно, что формирование представлений о национально-гражданской идентичности для жителей России уже стало значимым социальным фактором. Вместе с тем, в целом по стране этническая идентичность не утратила своей значимости и несколько доминирует над национально-гражданской. «Насколько эффективно гражданская российскость в будущем будет сочетаться с этнической русскостью, башкирскостью, якутскостью и т.д.»? Можно согласиться с мнением, что «государственная политика по поддержке и развитию этнокультурного разнообразия должна быть ориентированной не только на укрепление этнического самосознания граждан, но и на укрепление народов России и межэтнической солидарности, на интеграцию граждан различных национальностей в единое согражданство, формирование единой гражданской идентичности»⁵⁴.

Все выше сказанное касается и системы образования, которая играет важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании гражданина. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к российской нации вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона.

Очевидно, что образование должно рассматриваться как стратегически важная сфера общественной жизни, как глав-

---

⁵³ 20 лет реформ глазами россиян/ Отв.ред. М.К. Горшков. М., 2011; см. также Дробужева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве России. М., 2013.

⁵⁴ Тишков В.А. Российский народ... С. 635.

ный фактор развития интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности⁵⁵. Система образования как механизм интеграции молодежи не только в социальную жизнь, но и в культурно-языковую структуру общества, обладает огромным потенциалом. Именно образование может являться эффективным инструментом реализации культурно-языковой политики властей, поскольку оно подконтрольно власти.

Однако практическое воплощение поставленных задач требуют разработки подходов и методов формирования мировоззрения и выстраивания российской идентичности в образовательном процессе и определения ее места среди других идентичностей. Постановка проблемы российской идентичности тесно связана с пониманием настоящего и будущего нации, с образом будущего страны. Начало XXI века стало для России, преодолевающей последствия переходного времени, периодом активного нациестроительства. Все чаще в публичном пространстве и, прежде всего, руководством страны стал употребляться термин нация не в этнокультурном значении, а в смысле государственной общности – политической нации. На встрече по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. В.В. Путин сказал: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»⁵⁶.

Утверждение представления о российском народе как о гражданской нации, по образному выражению академика В.А. Тишкова, и есть формирование национальной идентич-

---

⁵⁵ См. Мартынова М.Ю. Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад ЕАWARN, М., ИЭА РАН, 2012. С. 236-243. и др.

⁵⁶ http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_tipe63374tipe63378_60337.shtml

ности или процесс, который иногда называют нациестроительством⁵⁷. «Солидарность и повседневная лояльность, т.е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим, составляет основу так называемой национальной идентичности»⁵⁸.

Сторонники толкования нации как согражданства говорят о возможности сосуществования у одного человека нескольких идентичностей, о совместимости гражданской и этнокультурной идентичностей. Принципиальной является убежденность в том, что единство нации и, в частности, российского народа на общегосударственном уровне, историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования может и должна сочетаться с культурным (этнокультурным) многообразием, культурной сложностью гражданской нации. Это подтверждает как российский, так и зарубежный опыт. Практически все современные нации поликультурны (или в отечественной терминологии полиэтничны). Культурная сложность современного мира еще более возрастает под влиянием миграционных процессов и притока новых жителей. В этом можно видеть положительность явления. Нельзя не согласиться с тем, что «культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества»⁵⁹.

Для современной России принципиально важно утверждение российской идентичности и целостности российской нации – российского народа на основе общего историко-культурного наследия, русскоязычного культурного комплекса, вобравшего в себя традиции и культурные достижения всех российских национальностей.

---

⁵⁷ Тишков В.А. Российский народ. Книга для учителя. – М., Просвещение, 2010. С. 6.

⁵⁸ Тишков В.А. Российский народ ... С. 17.

⁵⁹ Тишков В.А. О культурной сложности современных наций // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.: Издательство ИКАР, 2011. – С. 247.

Российская идентичность формируется на основе представления об исторически существующем едином народе, который ныне представляет собой гражданскую нацию. Российская нация состоит из граждан, которые, помимо общероссийских ценностей и общих характеристик, имеют свои региональные, этнокультурные и религиозные различия. Поддержка и развитие этих форм идентичности среди россиян не противоречит идее российского единства, а составляет ее неотъемлемую основу. Эти идеи должны получить развитие в нормативных документах, а также в образовательной политике.

Формулы «единство в многообразии», «народов много – страна одна», «сильные регионы – сильная Россия» должны найти соответствующее отражение в стратегии формирования российской государственной идентичности и способах ее реализации через систему образования. О готовности проводить политику единения россиян на основе развития культурного и языкового многообразия, об утверждении гражданской идентичности необходимо анонсировать через информационные каналы и публицистику.

Образовательная политика должна быть организована так, чтобы исключить отчужденность различных этнических групп. Это должно быть критерием оценки культурного, в частности, молодежного воспитания. На этом принципе должно строиться образование представителей различных этнических групп. Предпочтение должно отдаваться поликультурному образованию. Изучение различных языков и культур должно быть сбалансировано совершенным знанием русского языка и общероссийской культуры.

В сфере образования программы этнокультурного профиля должны формироваться в соответствии с образовательными запросами населения и предложениями представителей национально-культурных автономий, с учетом интересов самих учащихся и их родителей. Приобщение к языкам и этнокультурным ценностям в системе школьного и вузовского

образования должно осуществляться с учетом общественных дискуссий и на основе общественного согласия.

Особое внимание должно быть уделено вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде. Работа в этой сфере должна включать в себя патриотическое воспитание.

Знание повседневной жизни, этнокультурных ценностей соседних и географически отдаленных народов России помогает преодолению и предупреждению конфликтов, дискриминации, ксенофобии. Полезно освещать в учебных программах, посредством телевидения и радио современную жизнь народов России и их культуру.

Необходима более четкая региональная правовая база, ориентированная на обеспечение этнокультурных потребностей населения в образовании, учитывающая полиэтничный состав жителей, баланс в республиках между изучением титульного языка и государственного русского языка, а также языками проживающих в регионе национальных меньшинств. Необходимо действующие нормы об иных языках обучения и воспитания конкретизировать в виде проработки возможностей и механизмов выбора гражданами языка обучения. Региональным структурам управления образованием рекомендуется изучать текущую этнокультурную ситуацию и с учетом разнообразия культурно-языковых условий, вносить предложения и поправки в региональный базовый учебный план для образовательных учреждений.

В школах, а также в средних специальных и высших учебных заведениях необходимо проводить конкурсы «Моя Родина – Россия», и лучшие работы должны не только поощряться, но и становиться частью социальной рекламы. Необходимо способствовать оптимальному (ненавязчивому, но эффективному) размещению в учебных заведениях и учебных пособиях графических и иных материалов, направленных на формирование гражданской идентичности и межкультурной толерантности.

Глава 5

Миграционная политика через призму гражданских чувств и патриотизма

Сравнительно новая и весьма сложная социогуманитарная проблема связана с мигрантами из бывших советских государств, а также российскими гражданами из республик Северного Кавказа, переселяющимися в глубинные регионы России. Здесь ситуация чревата конфликтами, если не будут приняты меры по части контроля за въездом-пребыванием, соблюдением прав и правил найма, некоррупционного поведения правоохранительных органов, а также интеграции определенной части мигрантов или новожителей. Стойкого или врожденного отторжения на уровне человеческих контактов, а также «цивилизационных расхождений» между «русскими», «азиатами» и «кавказцами» наукой не зафиксировано. Это же подтверждают массовые обращения россиян за услугами иммигрантов и нормальные между ними повседневные отношения. Самый высокий уровень фобий в этом вопросе нами зафиксирован осенью 2013 г. среди молодежи, меньше всего контактирующей с так называемыми «гастарбайтерами» и «кавказцами». Это означает, что, помимо обозначенных мер, нужны просветительские усилия по исправлению ситуации и превентивные меры в отношении проповедников насильственного «избавления от мигрантов».

Сегодня государственная миграционная доктрина предполагает стимулирование переселения в Россию соотечественников. Программа, как она задумывалась в первой половине 2000-х гг., исходит из того, что есть более 20 миллионов соотечественников, хотя непонятно, кого к ним относят, и что за счет переселения именно этих соотечественников

частично можно решить демографическую проблему, то есть, приостановить сокращение населения. Действительно, миграция – важнейший источник пополнения населения. И только сокращая смертность, улучшая рождаемость и обеспечивая миграцию в Россию, можно приостановить сокращение населения. Тем более, что миграция в отличие от рождаемости дает отдачу уже сейчас, а не через двадцать лет, когда новорожденные подрастут, получат образование, профессию, вступят в самостоятельную деятельность. И все-таки содействовать нужно переселению всех, кто желает приехать в Россию из стран бывшего СССР. И украинцы или молдаване ничем не хуже русских.

Кроме того, ставить на переселение, прежде всего, русских, а не молдаван или украинцев, которые все равно станут русскими в России через полпоколения – значит сужать русский мир, превращать восточную Украину и Крым по своим настроениям во Львовскую область. Русские осваивали эти территории столетиями, а ради того, чтобы поправить один процент населения, с 80 процентов до 81 процента русских, мы сокращаем границы русского мира, которые существуют в рамках бывшего исторического Российского государства. Нужно хорошо подумать, правильна ли стратегически с точки зрения национальной безопасности России ставка на то, чтобы переселять русских из Восточного и Северного Казахстана, из восточной Украины или из Крыма.

Резко ограничительная и избирательная миграционная политика привела к тому, что общество стало воспринимать бывших советских сограждан как этнические меньшинства, как некоренную часть жителей, которые не должны приезжать в Россию и жить в нашей стране. Дошло до того, что даже там, где нет притока иноязычных и инокультурных мигрантов, боязнь «чужаков» и «пришлых» овладевает сознанием обывателя. Виртуальные ситуации, не менее чем бытовые, могут служить в современной России реальным источником

ксенофобии. Сегодня даже периферийные и отдаленные сельские районы подвержены влиянию телевизионных и интернетных форм межэтнической неприязни. Возникают уродливые формы воспитания молодого поколения, и бытовые стычки нередко перерастают в массовые конфликты с характерной маркировкой как «этнические».

Молодежные драки на почве «чуждости менталитета» с легкостью перерастают в межгрупповые конфликты. Напряженность особенно высока в тех случаях, когда в конфликт вмешиваются подстрекатели из радикальных политических организаций.

К разряду «опасных чужаков» обыденное сознание относит не только китайцев, вьетнамцев, но и бывших соотечественников – недавних советских сограждан, а среди них – выходцев из кавказских и среднеазиатских государств. Источником общественных неврозов стали и те группы россиян, чье этническое происхождение общественное мнение связывает с Северным Кавказом. Им нередко инкриминируют участие в «этнических» преступных группировках, приверженность религиозному экстремизму.

Но даже в тех регионах (например, в Поволжье), где за последнее десятилетие появились значительные и разнообразные по своему составу группы, отличающиеся в культурном плане от численно преобладающих русских, татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, распространено мнение о том, что «пришлые вытесняют местных» из разных сфер общественной жизни, включая лидерство в конфессиональной среде. Слухи и мифы о «нашествии», о «вымирании коренного народа» затрагивают не только обывателя, они волнуют журналистов, политических деятелей, чиновников. Научные работники также не составляют исключения. Такие мифы негативно влияют на систему принятия государственных решений в этнокультурной сфере.

Формальные цифры переписей, помимо социологических опросов, говорят о том, что при распространенных массовых

стереотипах и предубежденности, этот уровень ксенофобии может усиливаться и впредь. Вот, например, статистические данные о кавказцах. За период между переписями 1989 и 2002 гг. численность этнических кавказцев возросла в Приволжском федеральном округе в два раза, превысив четверть миллиона человек (самые большие группы это армяне – 105 тыс., азербайджанцы – 43 тыс., грузины – 18 тыс., чеченцы – 17 тыс., лезгины – 11 тыс.). В Центральном федеральном округе численность кавказцев увеличилась еще значительно – в 2,5 раза – и составила более полумиллиона человек. Несмотря на то, что демографическая роль перечисленных категорий остается незначительной, – этнические кавказцы составляют 1,6% жителей Центрального округа и 1% Приволжского округа, – следует учитывать, что они являются социально заметной (и в гражданско-правовом отношении достаточно уязвимой) частью населения.

Не сам по себе факт притока, но именно искаженно воспринимаемое иноэтническое население предстает как серьезная проблема. С развитием экономики миграционная активность неизбежно возрастает, и появляется опасность, что в России этот естественный процесс и далее будет сопровождаться ксенофобскими настроениями и ростом конфликтности.

Заранее было очевидно, что не имеет смысла выискивать универсальные рецепты предупреждения общественной напряженности. Но опыт многолетнего этнологического мониторинга говорит о том, что важно и нужно оспаривать широко бытующий тезис о том, что так называемые пришлые этнические группы, всевозможные диаспоры, землячества и прочее «чужое» населения являются новыми и никогда не станут «местными». Сегодня для многих как нонсенс звучит словосочетание «московский таджик» или «карельский чеченец». Особенно негативные стереотипы усиливаются после «этнических» столкновений в среде молодежи.

Необходимо говорить и писать о том, что представители многих кавказских и азиатских этнических сообществ были

расселены в глубинных российских регионах и десять, и двадцать лет назад. Исследование показало, что массовое сознание отказывается признавать своим («местным») населением и тех кавказцев, кто переехал в центральную часть страны давно, и тем более, тех, кто прибыл сюда в последние годы. Сталкиваясь со стереотипными представлениями о себе, переселенцы нередко меняют тактику адаптации, а в результате – процессы интеграции осложняются. Исследования этой проблемы и, что особенно важно, широкое распространение результатов такого исследования, должно «открыть глаза» властям и журналистам, а через их посредство – общественности. Это в значительной степени может смягчить массовое восприятие.

Государственная сфера управления не свободна от установок ложного («доморощенного») теоретизирования. Так, власти г. Кондопога, где в 2006 г. произошли массовые столкновения, рассматривают кондопожский конфликт и погромы как события безвозвратно миновавшие. Их основной посыл заключается в том, что проблема разрешается с завершением судебных дел. Однако в подобных ситуациях общественность смотрит на ситуацию иначе, считая конфликт не исчерпанным. По-прежнему низок общий уровень толерантности среди населения удаленных от Кавказа и Средней Азии регионов, таких, как Карелия, Коми, и ксенофобские настроения являются важной составляющей массового сознания. Более того, основа конфликта постоянно воспроизводится неадекватной этнической и миграционной политикой.

Но и с подрастающим поколением не все однозначно. Мы изучали разные слои и категории местного и пришлого населения. Оказалось, что школьники не придают особого значения этническим различиям, но при этом в их среде широко распространены этнически маркированные предрассудки. Эти предрассудки могут перерастать в ксенофобские стереотипы, действие которых усиливается по мере возмужания подростков.

Не может быть единого взгляда и управленческого подхода по отношению к мигрантам. В российских регионах инокультурные мигранты имеют неодинаковые установки на адаптацию, и далеко не все из них стремятся к интеграции. Естественно, это накладывает особую ответственность на интеграционистскую политику властей. Для властей, принимающих решения в сфере миграции, приезжие представляют собой «однородное множество». Единственное отличие – профессиональная специализация, взгляд на приезжих как на рабочую силу. На самом деле приезжие различаются по степени самоорганизации и стремлению к определенным формам адаптации, различаются и по своим установкам – желанию или нежеланию длительно проживать в России, получить гражданство. Властям необходимо учитывать эти особенности, и тогда миграционная политика станет более эффективным инструментом не только для коммерции, но и в области социальной политики.

Конечно, тем, кто желает приехать в Россию, должна быть оказана всяческая поддержка. Но почему не оказать поддержку молдаванам, белорусам или украинцам? У нас половина населения на Дальнем Востоке украинцы, они когда-то осваивали Восточную Сибирь и Дальний Восток вместе с русскими. Этнический принцип миграционной политики может вылиться в нереализуемую утопию. Русские в значительной мере уже интегрировались в соседних государствах, являются гражданами этих государств, сохраняют привязанность к России, являются важнейшим связующим мостом с Россией, не позволяют этим государствам превращаться во враждебные. Нет ничего плохого в том, что там есть часть русского населения. Россия должна защищать их интересы, помогать сохранять язык, культуру. Часть из них, возможно, переселится в Россию. Но может быть России не менее выгодно переселять к себе украинцев, молдаван и иных бывших сограждан. Самая верная стратегия – это открытость и инте-

грационная установка со стороны основного населения в отношении вновь прибывших на временное или постоянное проживание в Россию. Страна крепка и теми, кто в ней живет, и теми, кто в нее переселяется.

Важна также и внутрироссийская миграционная политика. В миграциях между российскими регионами участвуют многие миллионы россиян – и это гораздо большая величина, чем приток мигрантов из других государств.

В 2014 г. Институт этнологии и антропологии Российской академии наук провел опрос населения в 75 российских регионах, и были получены данные о миграционных установках населения страны. Четверть опрошенного населения в регионах проекта имеет стойкие миграционные устремления – эти люди, большая часть из которых является экономически активным населением, хочет уехать из своего региона на длительный срок или на постоянное проживание. Это довольно значительный уровень потенциальной вовлеченности в миграцию. Хотя мотивы на переезд у людей разные, тем не менее четко прослеживается роль экономического фактора и роль фактора социальной мобильности, что связано с недостаточностью материальной обеспеченности и поиском источников средств к существованию; с достаточной материальной обеспеченностью, но однако, желанием найти более лучшие условия для жизни и социально продвижения; миграционные потребности обусловлены также либо плохими либо, наоборот, хорошими перспективами заработка и наличием либо отсутствием профессиональных преимуществ; проявляются также возрастные и гендерные различия претендентов на миграцию; очень важную роль играют образовательные различия.

Так, желание уехать в другой российский регион совершенно определенно зависит от возраста респондента. Более одной трети молодежи в возрасте 18-29 лет (37%) хотят уехать. Респонденты среднего возраста – на уровне средних показателей (23%). А реже всех заявляют о желании уехать пожилые респонденты (менее 10%). Различия заметны по

дробным возрастным когортам. Опрос показал, что более всех настроены на отъезд в другие регионы самые молодые респонденты в возрасте 18-24 года – в их среде более 40% желают уехать жить в другой российский регион. Более старшая молодежь 25-29 лет желает уехать в полтора раза реже, то же характерно для лиц в наиболее экономически активном возрасте 30-34 и 35-39 лет. Респонденты в возрасте 40-44 лет высказывают желание уехать почти в два раза реже, в возрасте 45-49 лет – более чем в два раза реже, в 50-54 года – почти в три раза реже, в 55-59 лет – более чем в три раза реже и т.д.

Имеются, вместе с тем характерные различия в миграционном настрое у мужчин и у женщин. Для мужчин характерны резко высокие миграционные намерения только в ранний молодежный период в возрасте 18-24 года. В этом возрасте желает уехать из своего региона чуть ли не половина молодых мужчин. Но уже в следующей возрастной категории 25-29 лет миграционные намерения у мужчин составляют лишь 25% и такой показатель (или близкий к нему 21-24%) сохраняется у более старших возрастных групп мужчин вплоть до 49 лет. Далее с 50-летнего возраста миграционный настрой еще раз сокращается до уровня 11% и «держится» на этом уровне до 60-летнего возраста, а после этого возраста на протяжении наибольшей старости у мужчин наблюдается некоторое повышение желания уехать из своего региона (с 11% до 14%). Таким образом, наблюдаемая «модель» миграционных ожиданий у мужчин представляется как некое «правило» двух переходов – первый переход из раннего молодежного возраста к более зрелому молодежному возрасту, в процессе которого активные миграционные устремления снижаются двукратно, а второй переход наблюдается в 50-летнем возрасте, когда миграционные намерения еще раз двукратно уменьшаются. «Модель» миграционных ожиданий у женщин иная. В раннем молодежном возрасте тоже порядка 40% женщин высказываются в пользу переезда, затем, как и у

мужчин в возрасте 25-29 лет миграционная потребность снижается, но незначительно – до 35%. Но после, в возрасте 30-34 года у женщин вновь наблюдается резкий скачок намерений к отъезду – о том заявляют более 40%. В следующей возрастной категории 35-39 лет – резкий спад миграционных ожиданий примерно до 25% и далее, вплоть до старости, у женщин происходит убывание потребности мигрировать.

Даже при ныне спокойной (бесконфликтной) ситуации с трудовыми мигрантами во многих регионах России в условиях изменений общественного восприятия под влиянием социальной конкуренции и общественно-политических кризисных явлений, межгрупповая, межэтническая и межконфессиональная напряженность в системе отношений «местное население – мигранты» может резко возрасти. Недоброжелательное отношение к гражданам из других государств бывшего СССР связано с низким уровнем культуры обширных слоев населения как в крупных городах России, так и в глубинке. На почве недоброжелательности широко распространены негативные этнические и религиозные стереотипы. Даже в спокойных регионах не более четверти респондентов готовы к интеграции с мигрантами и принятию приезжих в местное сообщество. Поэтому для предупреждения ксенофобии и возможных столкновений необходимо вести двухстороннюю просветительскую деятельность, знакомить приезжих с местными традициями и жизненными устоями, а также регулярно сообщать местному населению об особенностях культуры приезжих, их вкладе в экономику региона и социальную сферу.

Отечественная и мировая наука пока не имеет моделей для комплексной оценки миграционной ситуации, а также не разработан алгоритм принятия управленческих решений в сфере адаптации мигрантов. За последние несколько лет для России крайне актуальной становится не просто изучение различных аспектов миграции, но анализ рисков миграции – рисков экономических, социальных, политических и даже рисков культурных. Отсутствие авторитетных и доказатель-

ных оценок миграционных рисков заставляет российских политиков, даже очень высокого ранга, делать противоречивые заявления, а это вносит сильнейший разлад в государственную политику в сфере миграции.

То, что «космополитическое» многообразие имеет определенные границы, наглядно демонстрирует миграционная политика в Европе. А ведь сфера образования и миграционная политика – две политические области, которые напрямую связаны с проблемами идентичности. Итак, политические курсы европейских стран показывают избирательность в отношении въезда (предпочтение квалифицированной рабочей силы) и ориентацию на интеграцию приезжих. Например, Германия, Франция, Нидерланды, Великобритания принимает мигрантов при условии сдачи языкового и интеграционного тестов. Условиями натурализации являются наличие трудового контракта и сдача теста на гражданство. Но при этом, по мнению европейского эксперта, интеграция не трактуется как превращение иммигранта в члена культурно однородного национального коллектива, здесь нет ассимиляционистской или националистической политики. Тестирование в основном связано с правами человека, со знаниями о важнейших учреждениях и правовой структуре страны, о том, как следует вести себя на бытовом уровне и о других традициях местного сообщества¹.

Например, в Швеции также за основу интеграции иммигрантов берется необходимость соблюдения норм и законов шведского общества, т.е. юридическая, а не культурологическая сторона вопроса². Что касается культурных отличий и их влияния на сферу образования, то в качестве примера можно привести подходы Швеции к обучению детей, исповедующих ислам. В 90-е годы XX века здесь стали заключаться согла-

---

¹ Сойсал Я. «Космополитизация» нации ... С. 220, 221.

² Плевако Н.С., Чернышова О.В. Можно ли стать шведом? М.: Красанд. 2012. С. 131.

шения между представителями местных мусульманских объединений и руководством школ, в которых оговаривались вопросы питания, поста и других сторон жизни учеников-мусульман. Так, им на уроках гимнастики и в школьных душевых разрешалось оставаться в нижнем белье, разрешалось брать с собой в школу свой завтрак или ходить домой завтракать во время перемены, была достигнута договоренность о необязательности участия детей-мусульман в школьных праздниках, связанных со шведскими христианскими традициями и др.³ В 1994 г. в Швеции появилась первая общеобразовательная мусульманская школа, с тех пор их число стало быстро расти. Следует заметить, что в Швеции много противников конфессиональных школ на том основании, что они усугубляют сегрегацию. Но подчиняясь европейской конвенции, обязывающей поддерживать их, эти школы продолжают существовать. Есть как отрицательные, так и положительные примеры деятельности мусульманских школ. Среди последних, по мнению шведских экспертов, те, которые приняли шведскую систему образования. Например, директор одной из школ в пригороде Стокгольма стремится брать на работу учителей-шведов, чтобы дети слышали правильную шведскую речь и могли быстрее интегрироваться в шведское общество. Позиция ныне действующего правительства состоит в том, чтобы положительно реагировать на учреждение т.наз. «свободных школ», создающих больше разнообразия в возможностях обучения, но регулярно и тщательно контролировать их деятельность⁴.

В условиях нынешнего экономического кризиса и усугубления политической обстановки вокруг России из-за политики экономических санкций со стороны стран Запада и некоторых других стран, проблема точности оценки угроз общественной нестабильности в связи с миграционными

³ Плевако... С. 231.

⁴ Плевако... С. 233, 234.

проблемами приобретает для России принципиально важное значение. В настоящее время многие СМИ, а в след за ними общественные деятели говорят и пишут о том, что миграция иностранных трудовых мигрантов в Россию идет на спад. Однако наши исследования не подтверждают эти наблюдения, и мы оцениваем «спад» как сугубо кратковременное явление. Миграция и в ближайшие годы останется для России серьезным социальным, экономическим и общественным вызовом, который необходимо анализировать с фундаментальных позиций для достижения реального контроля над ситуацией и для целей предупреждения общественных, этнических и религиозных конфликтов. Требуется система профилактических мер в адрес именно местного населения. Такие меры способствуют распространению идей гражданского единства.

Словарь терминов

Базовые национальные ценности – основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки, существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях многонационального народа Российской Федерации, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях.

Геноцид – истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным, этническим или религиозным мотивам. **Геноцид – тяжчайшее преступление против человечества.** Согласно Уголовному Кодексу РФ (ст. 357), определяется как «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы». Наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет либо смертной казнью или пожизненным лишением свободы.

Гражданское общество – общество, способное к самоорганизации на всех уровнях, от местных сообществ до общенационального (государственного) уровня, выражающее свои запросы и интересы как через свободно и демократически избранные органы власти и самоуправления, так и через институты гражданского общества, к которым относятся, прежде всего, общественные группы, организации и коалиции, а также формы прямого волеизъявления. Гражданское общество обладает спо-

способностью защищать свои права и интересы как через власть и закон, так и путем контроля над властью и воздействия на власть и на правовые нормы. Гражданское общество предполагает наличие в нем ответственного гражданина, воспитание которого является целью образования;

Гражданственность – служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свобода совести и вероисповедания.

Депортация – массовое насильственное переселение людей, массовое изгнание их за пределы страны, с места постоянного проживания (депортированные народы). В СССР в разные годы было осуществлено несколько актов депортации народов. В 1991 году в России был принят закон «О реабилитации репрессированных народов», предусматривавший возвращение депортированных народов в места их традиционного проживания и возмещение ущерба, причиненного народу и отдельным гражданам.

Дискриминация – ограничение или лишение прав определенных категорий граждан по признаку расовой, национальной, этнической принадлежности, по признаку пола, политических или религиозных убеждений (от лат. *discriminatio* – различие). В международных отношениях – установление для представителей, организаций или граждан одного государства меньших прав, чем для представителей, организаций или граждан другого государства.

Духовно-нравственное воспитание личности гражданина России – педагогически организованный процесс усвоения и принятия обучающимся базовых национальных ценностей, имеющих иерархическую структуру и сложную организацию. Носителями этих ценностей являются многонациональный народ Российской Федерации, государство, семья, культурно-территориальные сообщества, традиционные российские религиозные объединения.

Иммиграция – въезд в другую страну на постоянное проживание.

Консенсус – согласованное мнение, выработанное в процессе обсуждения, споров (от лат. *consensus* – согласие, единодушие; *прийти к консенсусу*).

Ксенофобия – 1) болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами; 2) ненависть, нетерпимость к чему-нибудь чужому, незнакомому, иностранному (от греч. «*xenos*» – чужой и «*phobos*» – страх). В современной политической терминологии означает состояние неприязни, чувство недоверия и враждебности по отношению к другим нациям, этническим сообществам, культурам, религиям, выходцам из других регионов. Ксенофобия стала одной из болезненных проблем современного российского общества. Немало людей испытывают обостренные чувства недоверия, враждебности к мигрантам, беженцам, вынужденным переселенцам, представителям иных народов и рас. Носителями ксенофобии становятся как социально незащищенные слои общества, сталкивающиеся с проблемами безработицы и падения жизненного уровня, так и представители более образованных и обеспеченных групп населения. Из последних, как правило, и выходят идеологи и распространители ксенофобских настроений.

Межэтнический мир и согласие – единство в многообразии, признание и поддержка культур, традиций и самосознания всех представителей многонационального народа Российской Федерации, гарантированное равноправие граждан независимо от национальности, а также политика интеграции, предотвращения напряженности и разрешения конфликтов на этнической или религиозной основе. Межэтнический мир включает политику толерантности, т.е. признания и уважения культурных и других различий среди граждан страны.

Мигранты – представители населения, поменявшие место жительства (от лат. *migrantis* – переселяющийся). Статистика

ООН признает мигрантами лиц, проживающих на новом месте более 6 месяцев. Подразделяются на вынужденных и добровольных. К первым относятся беженцы, то есть лица, вынужденные покинуть страну проживания, происхождения и искать убежища на территории другого государства из-за реальных опасений стать жертвами преследования из-за их расовой или социальной принадлежности, религиозных или политических убеждений и гражданства.

Миграция – перемещение населения, связанное с переменой места жительства (от лат. *migratio* – переселение). Включает внешнюю (межгосударственную) и внутреннюю (перемещение населения внутри государства). Различают миграцию в связи с переменой постоянного места жительства и трудовую миграцию, которая связана с переселением на ограниченный срок.

Многообразие культур и народов – культурное многообразие, существующее в стране и в мире в целом. Для России это существование, диалог и взаимообогащение всех культурных потоков (или слоев): общенациональной, общероссийской культуры на основе русского языка, этнических культур многонационального народа Российской Федерации и глобальных или мировых культурных явлений и систем. Культурное многообразие и свобода культурного выбора являются условием развития, стабильности и гражданского согласия.

Народ – 1) население государства, граждане государства – гражданская нация (*российский народ*), жители страны; 2) этническая общность, национальность (*русский народ, народы Севера*); 3) трудовая масса населения страны (*трудовой народ, простой народ*).

Национализм – 1) идеология и политика, исходящие из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим; 2) проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости.

Национальная исключительность – абсолютизация национальной специфики, стремление к предпочтению только своего национального, нежелание понимать и воспринимать ценности людей, относящихся к другим нациям, вплоть до отказа общаться с людьми других национальностей. Идеи национальной исключительности смыкаются с такими понятиями, как национальный эгоизм, шовинизм, расизм, ксенофобия. Представления о национальной исключительности не следует смешивать с представлениями о религиозной исключительности, органически присущими религиозному сознанию. Людям определенного вероисповедания свойственно представление, что только их религия является истинной. Однако в современном мире верующие, относящиеся к разным религиям, вполне могли и могут уживаться вместе и строить отношения друг с другом на основе принципа толерантности. Об этом же свидетельствует и исторический опыт.

Национальная принадлежность – В европейской и американской традиции под национальной принадлежностью принято понимать гражданскую принадлежность (гражданство). В России и государствах бывшего СССР под национальной принадлежностью понимается и гражданская принадлежность, и *этническая принадлежность*. В соответствии со ст. 26 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

Национальное государство – государство с общей, контролируемой центральной властью, хозяйственно-экономической основой, с общей территорией, с общими историко-культурными ценностями жителей страны. Российская Федерация – национальное государство, имеющее разнообразный этнический и религиозный состав населения и отличающееся большой региональной спецификой.

Национальное самосознание, национальная идентичность – разделяемое гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба; формирование у личности представления о многонациональном народе Российской Федерации как о гражданской нации одна из основ воспитания *патриотизма*.

Национальность – 1) в некоторых сочетаниях означает то же, что нация; 2) то же, что *народ* в значении 2; 3) в Конституции Российской Федерации – *национальная принадлежность*.

Национальный воспитательный идеал — высшая цель образования, нравственное (идеальное) представление о человеке, на воспитание, обучение и развитие которого направлены усилия основных субъектов национальной жизни: государства, семьи, школы, политических партий, религиозных объединений и общественных организаций.

Нация – 1) то же, что *народ* в значении 1.; 2) страна, государство (*Организация Объединенных Наций*).

Патриотизм – чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом. Патриотизм включает чувство гордости за свое Отечество, большую и малую Родину, где гражданин родился и воспитывался. Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству. Любовь к России, к своему народу, к своей малой Родине.

Позитивная дискриминация – предоставление льготных условий для категорий людей, находящихся в худшем социальном положении. Лицам, относящимся к таким категориям, предоставляются квоты на образование, рабочие места, занятие определенных должностей и проч.

Раса – научное представление, не разделяемое в настоящее время в некоторых странах Запада, о том, что человечество условно подразделяется на большие группы по наследственным физическим признакам (цвету кожи, глаз, волос и др. – европеоидная, монголоидная, негроидная расы). При этом доказано биологическое единство всего человечества.

Расизм – реакционная теория и политика, утверждающая превосходство одной расы над другой. Европейские расистские концепции исходили из ложных представлений о превосходстве европеоидной «белой» расы над негроидной «черной» и монголоидной «желтой», об интеллектуальной ограниченности и неспособности негроидной и монголоидной рас к прогрессу и восприятию европейской культуры. Расизму свойственно представление о вреде расовых смешений, будто бы препятствующих социальному и культурному развитию. Идеология расизма служит оправданием захватов, дискриминации и жестокого обращения с населением по расовому признаку. В современном мире расизмом называют любые акты дискриминации не только по признаку расы, но также признаку национальности, этнической и конфессиональной принадлежности. В основе идеологии расизма – выводимое из генетического происхождения превосходство одних и ущербность других.

Репатрианты – добровольно вернувшиеся на Родину военнопленные, гражданские лица, беженцы, эмигранты.

Семья – любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода.

Социальная солидарность – свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство.

Толерантность – терпимость по отношению к инакомыслию, чужим взглядам, верованиям, поведению, к критике другими людьми своих идей, позиций, действий и т.д. (от лат. *tolerantia* – терпение). Толерантность – признак общей и политической культуры, необходимый элемент гражданского общества и правового государства. В политике толерантность означает допущение и терпимое отношение к оппозиции. Толерантность – необходимое условие решения социально-политических и идеологических проблем при помощи взаимного учета и согласования интересов в ходе переговоров и достижения компромиссов. Толерантность нельзя смешивать с беспринципностью и соглашательством, непроведением зла насилем, терпимостью к вседозволенности, в том числе к антиконституционным незаконным действиям.

Традиционные российские религии – представления о вере, духовности, религиозной жизни человека, ценности религиозного мировоззрения, толерантности, формируемые на основе межконфессионального диалога.

Труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость;

Фашизм – идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем. (См.: *О сущности и признаках фашизма. Записка Института государства и права. Института всеобщей истории, Института российской истории и Института социологии Российской академии наук. Подготовлена в соответствии с Указом Президента РФ №310 от 23 марта 1995 г.*).

Шовинизм – крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть.

Экстремизм политический – более широкое понятие, чем фашизм, предполагает пропаганду и использование насилия и других радикальных, крайних средств для достижения любых политических целей, не обязательно националистического характера. Может иметь разную идеологическую направленность (фашистскую, коммунистическую, сепаратистскую и др.) и проявляться в сферах национальных отношений, религиозных верований, межпартийной или внутрипартийной борьбы, внешней или внутренней политики. Наиболее опасными его формами являются посягательства на основы конституционного строя и терроризм, за которые в законодательстве РФ установлена уголовная ответственность.

Эмиграция – выезд в другую страну на постоянное проживание.

Этническая группа – то же что народ в значении 2, либо часть этого народа.

Этническая общность – то же что народ в значении 2.

Этническая принадлежность – в российской традиции то же, что *национальная принадлежность* в ее этнографическом (этнокультурном) значении. Ощущаемая, либо декларируемая индивидом принадлежность к группе, общине, народу с определенными этнографическими особенностями (в языке, культуре, религии и проч.).

Этнический – относящийся к принадлежности к *народу* в значении 2 либо к группе этого народа.

Что еще следует прочесть

Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов (*ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В.*). – М.: ИЭА РАН, 2013. – 215 с.

Губогло М.Н. **Русский язык и толерантность.** – М.: Старый сад, 2003

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации / Под редакцией А.С. Кожмякова, С.В. Соколовского. – М.: Минрегион РФ, Совет Европы, 2012

Мартынова М.Ю. **Традиции и инновации в соционормативной культуре.** – М.: ИЭА РАН, 2008

Межнациональные отношения без конфликтов. Справочно-методическое пособие для работников прокуратуры, правоохранительных органов, судебной власти, госслужащих, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2011. – 580 с.

Молодежные субкультуры Москвы (*отв. ред. М.Ю. Мартынова*). М.: ИЭА РАН, 2008

Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, Ф.А. Шнирельмана; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (ред. Степанов В.В., Тишков В.А.) – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 432 с.

Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – 459 с.

Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 384 с.

Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Баращ П.Э., Степанов В.В. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 342 с., илл.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002

Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В.В., Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 364 с.

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.

Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. – М.: Наука, 2008

Этническая политика в странах Балтии / *отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов*; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука. – 2013. – 407 с.

Этнические процессы и межнациональные отношения. Формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия в московском мегаполисе (*отв. ред. М.Ю. Мартынова*). – М.: «Этносфера», 2008

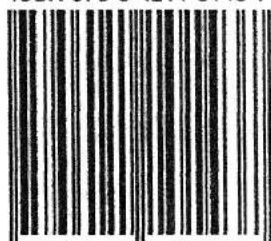
Этничность и религия в современных конфликтах / *отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман*; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 651 с.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / *Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков*. – М.: Новый хронограф, 2012

Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы, вып. 1 / *ред. В.В. Степанов*. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 223 с.

Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / *отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков*; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007

ISBN 978-5-4211-0143-7

9 785421 101437

Ольга Кульбачевская, оригинал-макет

Институт этнологии и антропологии РАН

Подписано в печать 29.10. 2015 г.

Формат 60x70 1/16

Объем: 4,5 п. л.

УОП ИЭА РАН

119991 Москва, Ленинский проспект, 32 А